

«ТИХИЙ ДОН» РУССКОГО СЕВЕРА¹

«У каждого человека есть поворотный день в жизни», — скажет Федор Абрамов в своих знаменитых «Братьях и сестрах». И эта фраза будет о нем самом.

Для Абрамова таким поворотным днем станет день выхода в свет сентябрьского журнала «Нева» с опубликованным романом «Братья и сестры». Наверное, все последующие выходы в свет романов пряслинского цикла, повестей, рассказов не будут такой яркой, ослепительной звездой, как появление первенца, хотя это, без сомнения, будут события-вехи творческой жизни писателя. Да и сам журнал «Нева», основанный в апреле 1955 года, публикуя роман Федора Абрамова, еще не знал, какое имя он являет в мировую, русскую литературу.

В своих выступлениях Федор Абрамов частенько говорил, что литература делается молодыми. И был прав! Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Лев Толстой, Есенин, Маяковский, Шолохов, Фурманов, Николай Островский, Фадеев, Твардовский, да и много еще кто из литераторов, создали свои главные произведения, еще не достигнув тридцати—сорока лет. В момент выхода в свет «Братьев и сестер» Федору Абрамову было 38 лет. За плечами еще весьма небольшого земного срока были трудные лета, жизнь, густо сдобренная событиями, наложившими неизгладимый отпечаток на его натуру, характер, восприятие действительности. Его характер ковался в жаркой кузне самых трудных до- и послевоенных лет. В эти же годы вырос и заявил о себе его самобытный литературный дар. «В литературе наших лет — / Ты молнии блестящий свет!» — скажет в марте 1976 года в своем посвящении Федору Абрамову Вера Бабич, поэтесса и его давняя поклонница.

Да и сам Федор Александрович, что думал о судьбе своего первого романа? Верил ли в тот успех, который принесут ему его «Братья и сестры»? Что, по выражению близкого друга Александра Рубашкина, «тревожная совесть» заговорит не критическими статьями публициста, а диалогами героев «Братьев и сестер», наполненными их чаяниями и страданиями, борьбой за жизнь. И читатели это услышат? Он надеялся и верил.

Олег Дмитриевич Трушин родился в 1969 году в г. Шатура Московской области. Окончил Государственный социально-гуманитарный университет (исторический, психологический, юридический факультеты). Прозаик, член Союза писателей России и Союза писателей Союзного государства. Автор более 1500 работ (повести, рассказы, очерки, эссе, статьи) об истории, культурном наследии, природе России. Публиковался в журналах: «Живописная Россия», «Юность», «Отчий дом», «Юный натуралист», «Детская роман-газета», «Родовое имение». Многие годы постоянный автор национального журнала «Качели» Республики Беларусь. Автор 18 книг. Лауреат многих международных и российских литературных премий, в том числе премии Центрального Федерального округа РФ в области литературы и искусства, Литературной премии им. М. Пришвина, Литературной премии им. А. Н. Толстого. Живет и работает в г. Шатура Московской области.

¹ Глава из готовящейся к публикации книги «Федор Абрамов. Я жил на своей земле». В основу книги положен личный архив писателя, хранящийся в Институте русской литературы Российской академии наук (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург.

«Чтобы так писать, так видеть, нужно быть не командированным в деревню, не «вышедшим» из нее, но оставшимся в ней — душой, сердцем» — скажет о силе и мощи литературного слова Федора Абрамова Рубашкин.

А в сентябре 1958 года, взяв в руки «Неву» и увидев в заголовке романа «Братья и сестры» имя и фамилию автора, многие не поверили в причастность Федора Абрамова к созданию произведения. Он ли это, тот самый Федор Абрамов, которого еще четыре года тому назад нещадно «громила» власть и литературная общественность за его статью в «Новом мире»? Не поверили даже те, кто хорошо знал Федора Александровича — преподаватели кафедры, его студенты и аспиранты, бывшие сокурсники, знакомые, рядовые читатели. «Оказывается, я вас знаю с 54 года, — писал 1 января 1959 года Абрамову из города Павлово на Оке, Горьковской области Любимцев Н. Я. — Но разве можно подумать, что автор „Людей колхозной деревни“ и „Братьев и сестер“ одно и то же лицо...»

Даже спустя время в письме от 12 января 1960 года аспирант Абрамова филолог Кронтари Мирча в письме из Румынии сообщал следующее: «Как-то в „Неве“ насколько помню, видел роман „Братья и сестры“ (если не ошибаюсь). Скажите, это Ваше произведение? Если это так, летом прочту его внимательно».

Более того, многие знавшие Федора Александровича, прочитав его «Братьев и сестер», не могли поверить, что это первое большое художественное произведение автора, за плечами которого в литературе более нет ничего масштабного. В этом контексте очень примечательно будет письмо молодого человека, младшего сержанта, проходившего срочную службу в в/ч 14247-А, в городе Львове, на Украине, Абакумова Василия Арсентьевича от 11 октября 1960 года, который, прочитав книгу «Братья и сестры», принял Абрамова за своего земляка с Дона, настолько близок был для него язык Абрамова. Вот это письмо:

Дорогой Федор Александрович!

С большим интересом прочитал Вашу книгу «Братья и сестры». Оценка — самая наилучшая. Вы как литературовед и исследователь «Поднятой целины» лучше всех знаете творчество писателя М. А. Шолохова. В романе «Братья и сестры» красной нитью проходит эта шолоховская нотка творчества: раскрытие деревенских жизненных эпизодов, их описание доступно не каждому.

По-шолоховски у Вас получилось не потому, что Вы воспеваете героический труд колхозников в самые тяжелые годы нашей страны, а потому, что ваш язык произведения понятен самой наибольшей массе читателей.

Ваша книга помогает во многом разобраться, а главное — узнаешь историю труда хлеборобов в военные годы.

Я хорошо знаю М. А. Шолохова, потому, что живу в 20 километрах от ст. Вешенской. В 1957 году имел встречу. Сам разговариваю языком его и Ваших книг, поэтому с интересным любопытством перечитывал по несколько раз отдельные главы. Каждая глава неотделимая часть романа, она по крупнице объясняет идейный замысел книги. Я не буду писать все те хорошие качества, которые отыскал в произведении. Главное то, что она пошла мне на пользу в познании грамотности и богатства деревенского языка...

Мне как-то неудобно самому перед собой от того — что Вас... своего, писателя я еще не знал. Ни одной Вашей работы я нигде не читал. Хотя фамилию, как-то встречал в «Литературной газете». Теперь перерыл всю гарнизонную библиотеку, но ни одной Вашей работы не нашел. По какому адресу можно выписать? Мне все полезно знать о творчестве своего земляка.

А знаете, есть еще, зачастую городские читатели, которые не признают творчества М. А. Шолохова...

Вашу книгу я положу в свою библиотеку и когда вернусь домой, на Донскую сторону, то обязательно прочитаю отцу с матерью.

Летом 1956-го в Верколе Абрамов продолжил работать над романом, старательно выправляя его первый вариант августа 1955 года. Много было тогда изменено, подчищено, взято в чистовой вариант. Оставалось еще совсем немного, один рывок, еще одно усердие, на которое как раз и не хватало времени. Возвращение в Ленинград и наступление нового учебного года вполне могли еще оттянуть время завершения работы над рукописью на неопределенный срок.

Встревоженный относительно темпов работы Федора Абрамова над романом, Федор Мельников в августе 1956-го в письме своему другу почти в категоричном, назидательном тоне писал: «Нужно обязательно кончать с ним в этом году. Оттягивать больше нельзя. Еще один толчок, который ты должен сделать за эти месяцы, — и твои „Земляки“ наконец вырвутся в свет и заставят (я тысячу раз уверен), заставят своим искусством признать своего создателя писателем больших размеров (во всяком случае, по этой книге, не имеющей равного в отражении деревни военных лет. Да что деревни! — просто жизни простых работяг в те жестокие годы)...

Твоя вещь не только правдивая; она глубоко правдивая и оригинально художественная, вынянченная умелыми руками, умной головой, красивой душой. Она — великолепная во всех отношениях вещь...

С ее выходом в свет ты освободишься от „проклятых завалов“, которые отравляют тебе жизнь, ты обретешь драгоценную свободу писать...»

Письмо Мельникова возымело успех, и Федор Абрамов, прислушавшись к настояниям дорогого друга, по возвращении в Ленинград не отложил рукопись, а всецело сосредоточился над ней.

Пройдет еще немало времени — два года, пока роман «Братья и сестры» обретет ту форму, в которой его и увидят читатели на страницах «Невы». К этому времени Абрамов учтет все поступившие редакторские замечания, будет старательно «причесывать» текст, зная, что к рукописи его романа, в каком бы виде он ее ни выдал, все одно будет особое внимание.

Вернемся в новгородские Дорищи, ставшие колыбелью «Братьев и сестер», где в лето 1950 года после долгого восьмилетнего обдумывания и вынашивания замысла роман, все же лег первыми строчками сырого, отчасти робкого текста на листы бумаги.

Федор Мельников в своих уже ранее упоминавшихся воспоминаниях «Когда писались „Братья и сестры“» скажет: «До сих пор не могу до конца понять и объяснить, почему Федя тогда согласился ехать с нами в чужую деревню, ведь он всегда, каждое лето на каникулы уезжал в родную Верколу, тем более, что в то лето в его деревне Верколе тяжело болел старший брат Михаил. До последних дней нашего отъезда я не верил, что Федя поедет с нами. Видно было, что он терзался сомнениями — ехать или нет. К тому времени я уже научился по внешнему виду Федора угадывать перепады его внутренних настроений, которые часто прикрывались нелегким абрамовским молчанием». «А чуть раньше, — вспоминал Мельников, — примерно осенью 1948 года... по дороге в баню он начал устно описывать мне отдельные эпизоды из деревенской жизни. В бане, стоя в большой очереди, на лестнице, он стал читать отдельные заметки... По этому поводу я откровенно и, может быть, даже „шумно“ выразил свои чувства восторга и одобрения. Я посоветовал ему действительно все это развивать в большую книгу... роман, которого не было со времен „Поднятой целины“». «Уже живя в Дори-

цах, — припомнит Мельников, — мы были оба увлечены этим удивительным процессом рождения живых литературных героев. В нашей беседе, размышлениях, продолжая развивать характеры людей, их отношения, связи, сюжетные линии, Федор своим темпераментом и напором буквально втягивал меня в самую гущу своего творческого „варева“, и не отпускал меня до тех пор, пока сам себя не исчерпает до дна».

Иногда, в минуты душевного надлома, сомнений в своих силах, сопереживаний о том, за свой ли «гуж» он взялся, Абрамов сникал, мажорная нотка в его писательстве замолкала, и он впадал в полную меланхолию. «Роман бросил, по крайней мере до каникул. — запишет Абрамов в своем дневнике еще в марте 1954 года, — И вообще, правильно ли я поступаю, трудясь в этой области? Прочитаешь Шолохова и видишь: ты — бездарь!»

И все же к концу 1956 года роман «Мои земляки» состоящий из 51-й главы, был полностью подготовлен к публикации. Абрамов еще не знал, что более полутора лет ему придется обивать пороги редакций, мучительно сражаясь за жизнь своего первого произведения, отстаивая не только текст, но и само название, оформившееся к середине 1958 года в «Братья и сестры».

В январе 1957 года Федор Абрамов в надежде, что роман все же будет принят, «первой ласточкой» отдает его в редакцию ленинградского журнала «Звезда», а затем и «Неву», откуда вскоре рукопись вернут с отказом в публикации. Нехорошие предчувствия Абрамова по поводу судьбы романа сбывались.

И тогда Федор Абрамов, принимает для себя весьма рискованное решение, но на тот момент, наверное, самое правильное: отправить роман в Лениздат, чтобы получить последнее и, может быть, окончательное решение по своему первому детищу, еще значившемуся как «Мои земляки».

На заседание редсовета, состоявшееся 19 марта, спустя почти два месяца после получения рукописи, был приглашен и сам Федор Абрамов. «Через два часа редсовет в „Лениздате“, — запишет он в своем дневнике. — Решается судьба моего романа. Как много пережито за эти месяцы!»

Интересно, что видели члены редсовета в рукописи абрамовского романа — новое произведение, или все же искали в ней отголоски нашумевшей статьи в «Новом мире»?

В ходе обсуждения рукописи были разные суждения — от крайне отрицательных относительно текста до ободряюще положительных. По всей видимости, вопросов к Абрамову было немало, но рукопись к публикации была принята, хотя окончательное, запротоколированное решение редсовета о судьбе романа последовало не сразу. Лишь спустя пять дней после его заседания появилась одобрительная резолюция об опубликовании романа в журнале «Нева» с обязательством автора доработать текст.

Не будем наивными и скажем, что, вероятнее всего, последнее слово в решении опубликовать роман было за «верхами», и это решение редсовета Лениздата наверняка согласовывалось, может быть, даже на уровне первого секретаря Ленинградского обкома.

О чем думал Федор Абрамов в эти тягостные мартовские дни ожиданий? Наверное, готовый на все, отчасти сроднившийся со своим положением «заклейменного» в неуютные, он все одно стал бы пробивать роман, но только спустя время, тем самым не дав другим редакциям взять «скорый» пример. Но на этот раз все закончилось благополучно...

И все же Абрамов, имея в своем характере жилку сомнения, по всей видимости, не совсем доверяя ленинградскому редсовету, а вместе с ним и издательствам, возмож-

но, даже опасаясь, что решение в конечном итоге будет изменено, питая надежду на иную оценку своего романа в Москве, решается отдать «Моих земляков» в журнал «Октябрь», где к этому времени главным редактором еще был Марк Солнцев (творческий псевдоним Федора Ивановича Панферова), писатель, драматург, автор знаменитого романа «Бруски».

Не решившись по каким-то причинам ехать сам, подписав рукопись повести (Абрамов в данном случае решил изменить жанр своего сочинения) псевдонимом Федор Веркола, Абрамов попросил Федора Мельникова, собравшегося по своим делам в столицу, передать рукопись в «Октябрь», что тот в конечном счете и сделал в марте 1957 года (в воспоминаниях Ф. Мельникова, и в ряде других работ о творчестве Ф. Абрамова ошибочно указывается время передачи романа в журнал «Октябрь» как лето 1957 года).

Выбранный Федором Абрамовым псевдоним не был, конечно же, случайностью. По воспоминаниям Галины Михайловны Абрамовой, племянницы писателя, псевдоним слетел с уст Федора Мельникова, который частенько величал Абрамова «Верколой»:

«Ну что, Веркола!» — и Федору Александровичу это нравилось. Да и сам Абрамов в письмах к Мельникову не единожды называл себя Верколой. Так, в письме от 18 мая 1959 года, находясь на пароходе «Карл Маркс» и следуя на нем из Архангельска в Карпогоры, Федор Абрамов сообщал Мельникову: «Твоя Веркола все еще не добралась до Верколы».

Ответ из редакции журнала «Октябрь» пришел неутешительный и был получен лишь после того, как «Федор Веркола» решил все же справиться о судьбе рукописи, направив в «Октябрь» письмо.

28 апреля 1957 года.

Уважаемый т. Веркола,

Вы спрашиваете в письме — каково отношение редакции к Вашей рукописи.

Сообщаю Вам, что редакция ознакомилась с нею и согласна с мнением т. Свицкого, рецензию которого мы Вам послали.

В целом, отношение к повести положительное.

Однако, редакция не берет на себя никаких обязательств, т. к. считает, что над повестью автору следует еще основательно поработать.

Если вы захотите, после доработки присылайте, пожалуйста, Вашу рукопись снова в нашу редакцию. С сердечным приветом, зав. отделом прозы... (подпись неразборчива. — О. Т.)

Томительное ожидание ответа, да еще и получение его с наставлениями значительной переработки, ни в коей мере не вяжущейся с авторским замыслом: что может быть еще хуже для уязвления честолюбия творческого человека? Даже прямой отказ в публикации, огульная критика не заставляют роиться стольким думам, сколько порождает отказ, завуалированный необходимостью всякого рода доработок.

Чуть позже, в декабре 1959 года, заведующий отделом критики журнала «Октябрь» писатель В. А. Чалмаев, приглашая Федора Абрамова к сотрудничеству и предлагая написать статью «о ростовских романистах, облагороженных шолоховской традицией», с восторгом поздравлял писателя с выходом в свет романа «Братья и сестры». «Дорогой Федор Алексеевич (видимо, отчество ошибочно. — О. Т.)! — писал Виктор Андреевич. — Прежде всего, хочется еще раз поздравить Вас с „Братьями и сестрами“ — одним из лучших произведений, прочитанных мной в последние годы. Я уже и писал об этом. Я очень буду рад почитать и продолжение романа». Здесь Чалмаев имел в виду свою статью «Сражающийся современник», опубликованную в № 1 журнала «Во-

просы литературы». где роман «Братья и сестры» был определен как «роман о самопожертвовании людей, о безмерном народном самозабвении ради общего дела». Но, видимо, Чалмаев не все сказал, так как роман прочитал, когда статья была уже написана! Как можно было написать о романе, не читая его? Ведь статья, за небольшим исключением, полностью посвящена «Братьям и сестрам»! Но факт остается фактом!

После такого «поздравления» напрашивается весьма оправданный вопрос: а читала ли вообще редакция журнала «Октябрь» рукопись «Мои земляки» тогда, весной 1957 года, или «прикрытием» в отказе публикации стала рецензия т. Свирского?

Фактически «немым» отказом в публикации «Братьев и сестер» ответил и «Новый мир», куда в конце зимы 1958 года на имя Дементьева Абрамов отправил свой роман.

Федор Александрович очень хотел, чтобы его первый роман вышел в журнале, которому он благоволил. На суд редакции был уже предложен иной вариант романа. Все прошедшие месяцы с осени 1957 года Абрамов совершенствовал текст, сократив его объем до 41-й главы и дав ему новое название, оставшееся за романом навсегда. Именно в это время в конце романа будет поставлена окончательная дата его создания — 1958.

К слову, название «Братья и сестры», родившиеся с легкой руки Федора Мельникова, пришло спустя время раздумий. Первоначально отвергнутое Абрамовым, оно длительное время вообще им не рассматривалось и существовало лишь в одном из писем Федора Мельникова. Уже в который раз вновь и вновь прорабатывая текст, уже прижившееся и даже заявленное в редакции название романа «Мои земляки», вдруг перестало нравиться Абрамову. Вот что вспоминает на этот счет Федор Мельников: «В это время начались серьезные, прямо-таки тревожные, сомнения у автора романа насчет названия „Мои земляки“. Абрамов срочно начал искать другое название. Времени на обдумывание практически не было.

В спешном порядке мы начали составлять новый список названий. Он получился длинным. Как в 1955 году, я вновь предлагал название „Братья и сестры“. Федор соглашался с этим, но опять-таки не очень утвердительно. Помню, очередным и последним рождением названия романа мы занимались в его коммунальной квартире. Федор очень торопился, чтобы не опоздать в редакцию журнала „Нева“. где его ждал редактор...»

В «Неве», да и впоследствии в журнале «Роман-газета», где роман будет опубликован чуть позже, название произведения «Братья и сестры» приняли с неохотой, настороженно, увидев в этом некую «патриархальность» и даже намек на религиозность, на что Абрамову пришлось отвечать, отстаивая свою точку зрения, свою правоту. Но и тут Абрамов выстоял, удержав название романа, а вместе с ним и заданную высоту — планку духовности, стойкости и братства, что проложено красной нитью через все его главы.

Письмо от Бориса Закса от 7 мая 1958 года обескуражило Абрамова. Такой негативной оценки рукописи романа он просто не ожидал. Закс в своей критике, пусть и сугубо личной, был неумолим:

Уважаемый Федор Александрович!

Александр Григорьевич передал мне рукопись Вашего романа с просьбой прочитать побыстрее, что я и постарался сделать.

В общем, вещь оставляет хорошее впечатление (особенно, если принять во внимание, что это первая проза литературоведа). Хорошо дан колорит северного села, интересны люди.

И все же я нахожу, что над рукописью автору еще следует потрудиться.

Что я считаю слабым, не удачным?

Во-первых, отрывистость, клочковатость формы. Вы «слишком мелко рубите». Членение на главы — весьма и весьма произвольное. Сплошь да рядом Вы обрываете повествование, шедшее по одной сюжетной линии, на самом, как говорится, интересном месте, переходите к другой линии, и лишь потом снова возвращаетесь к первой. Это затрудняет чтение. А так как переходы от одной сюжетной линии к другой у Вас чисто механические, перескоки, то в результате вещь начинает распадаться на сцены из жизни села Пекашино, уходит от формы роман, теряет цельность.

Возьмите например, самую первую главу: она кончается сообщением Трофима о том, что Степан получил письмо от сына. Казалось бы, следующая глава должна начаться с этого письма — как его читают и пр., — но Вы начинаете ее с фразы: «На улице Анфиса прислушалась». Тем самым Вы сознательно подрубаете мостик от первой главы ко второй и заставляете читателя брести на ощупь в обход. Зачем это? Разве для Вас так уж неважно все, о чем говорилось в правлении колхоза? Или же это письмо настолько всех всполошило, что они бросили все и побежали к Степану? Непонятно. Почему вы поставили точку именно на сообщении о письме?

Я привожу один этот пример, но таких в рукописи множество. Отсюда вывод: надо тщательно пересмотреть все построение вещи, проверить все стыки, все переходы, и, вероятно, пойти на некоторое укрупнение и слияние главков. А то немножко мелькает в глазах от их дробности.

Во-вторых, снова скажу: больше думайте о целом! Вот, Вы вводите в повествование учительницу Надю, уделяете ей две главки, потом забываете о ней. Если смотреть «частным» взглядом, то есть, рассматривать одни эти главки как частность, то вроде бы и неплохо — Надя как Надя, есть биография ее, есть конфликт... Но попробуйте бросить «общий взгляд», поглядеть, отойдя на расстояние, на роман в целом, и Вы сразу увидите всю изолированность Нади в пределах нескольких страниц, увидите, и что она лишняя в романе. А не будь она лишней, от нее непременно потянулись бы ниточки назад — к началу, и вперед — к концу.

Или Настя. Зачем Вы ее заставили обгореть, я не знаю (похоже на беспричинную смерть Алеши в «Жатве»), но вот она уже обгорела по воле автора. И что же? Впечатление это производит меньше, чем то, что Лукашина знобит. И заботится Анфиса больше о продрогшем Лукашине, чем о тяжело пострадавшей Насте. Потом Настя в больнице. Глухо говорится, что она, может быть, ослепнет, что Лукашин собирается ее навестить.

Но «с глаз долой из сердца вон». Ничего больше мы не узнаем о Насте, ни того — навестил ли ее Лукашин, ни того — выздоровела ли она.

Опять-таки, киньте взгляд на роман в целом и на место Насти в нем, и Вы увидите, что дробность повествования без следа всосала в себя сюжетную линию Насти.

Но эти два примера не единичны. Значит, надо не только проверить стыки, но просмотреть все концы и начала нитей, все их переплетения.

В-третьих. Немножко больше конкретности в показе дел! Вот Лукашин появился, взял «быка за рога». А дальше? Что делал он дальше в колхозе? Смутно, еле-еле разглядишь... Анфиса, как председатель, тоже показана слабо, не впрямую, а отраженно.

Вас вдруг увлекло описание отношений Лукашина с Варварой, потом с Анфисой. Но первое — вообще слабо и — простите! — банально, много раз уже писано. А второе не обрело еще полной силы. Мне думается, что вся история замужества Анфисы написана более поверхностно, чем многое остальное. И так как две эти линии смыкаются на сцене соращения Варварой Лукашина, — сцене, на мой взгляд, непозволительно традиционной, то мне не кажется удачной и концовка книги, ибо она разрешает лишь одно из многих противоречий.

И еще язык. В общем, он хорош. Но вы все же переборщили с местными словечками и слишком далеко местами ушли от общелитературных норм (я, разумеется, имею в виду собственно авторский текст).

Я много написал о недостатках, но это не значит, что я не вижу достоинств. Просто мне казалось полезнее порезче заострить внимание именно на том, что еще не удалось. Думаю, что Вам надо еще поработать над рукописью.

А к тому времени и ситуация в журнале вероятно прояснится. И тогда можно будет вновь вернуться к Вашему роману.

С приветом, Б. Закс

И если следовать письменным «наставлениям» влиятельного сотрудника «Нового мира», Абрамову, по сути, надлежало просто-напросто вновь переписать текст романа, который к этому времени, пусть и с некоторой шероховатостью, уже был положительно оценен Лениздатом. Переработка романа могла занять немало времени, да и в том варианте, который предлагал Закс, это было бы уже иное произведение. Не знаем, какое внимание Абрамов уделил последним, ключевым строкам письма, где говорилось о времени, необходимом для прояснения ситуации в журнале, и о том, что потом «можно будет вновь вернуться к Вашему роману». Возможно, расстроенный основным текстом письма Абрамов вовсе упустил из виду эти строки, в которых и таилась истинная причина отказа в публикации, но не ответить Заксу — значит принять его критику.

По всей видимости, Федор Александрович, сумев унять кипевшую в его душе бурю, ответил Заксу весьма «теплым», но в то же время и по-абрамовски суровым письмом в отношении неопределенной позиции журнала по части принятия рукописи.

Закс же в свою очередь, чувствуя свою вину за столь резкую критику романа, определенную неловкость за свои действия, в ответном письме уже старается несколько в ином свете представить «думы» «Нового мира» относительно «Братьев и сестер».

Так, в коротком письме, пришедшем 22 мая 1958 года на адрес Университетской набережной, д. 7, кв. 50, Борис Германович сообщал следующее: «Уважаемый Федор Александрович! Спасибо за теплое письмо. Кое на что, однако, вынужден возразить. Вам кажется, что «внутренняя неопределенность в редакции не может быть сколько ни будь серьезным основанием для того, чтобы не вступать с автором в деловые отношения». Это не верно. Ставлю точки над „i“. Со дня на день мы ожидаем нового редактора. Скажите, может ли в этих условиях нынешнее руководство брать на себя от имени журнала какие-либо обязательства? Ведь выполнять-то их придется новому руководству, а как оно посмотрит на те же вещи — неизвестно. А раз так, то не значило ли бы это — сбивать автора с толку? Так что на сей счет вы ошиблись.

Затем, „Новый Мир“ вовсе не отклонил Вашу рукопись. Я лишь посоветовал еще подумать, поработать над нею. А это никогда не лишнее... Жаль только, что мои доводы Вас, видимо, ничуть не убедили.

Не будем спорить хуже или лучше Ваша вещь, чем те, что печатаются. Речь шла о другом — все ли автор сделал, на что способен, или есть возможность сделать лучше. Это важнее.

Думаю, что к вопросу о Вашей рукописи вскоре можно будет вернуться.

С приветом Б. Закс».

Закс явно «играл» свою игру. Понимал ли это Абрамов? Вряд ли. Иначе бы не отправил скорого ответа, понимая, что все это напрасно.

В письме от 24 мая Абрамов в ответ на критику «Братьев и сестер» писал Заксу: «...да простите авторскую нескромность — членение на главы у меня отнюдь не случайно. Каждая глава по существу законченный рассказ — в этом особенность построения моей вещи.

Вы говорите — сюжетные линии не всегда достаточно переплетены. Может быть. Но, дорогой Борис Германович, книга-то называется „Братья и сестры“, идея, пафос вещи тоже накладывают свой отпечаток на построение. Мне, например, отнюдь не кажется необходимым во всех деталях проследить развитие каждого образа».

Конечно, Абрамов очень надеялся на то, что его «Братья и сестры» увидят свет в «Новом мире», куда в июле 1958 года на должность главного редактора вновь вернулся Твардовский. Он непомерно хотел этого, видя для себя публикацию в «Новом мире» не просто знаковой, но и судьбоносной. «Помогите, — обращался Федор Абрамов к Заксу, — дайте мне возможность заняться литературным трудом. Совмещать это занятие с работой в вузе невозможно — во всяком случае, это не для меня. Первую книгу я писал с невероятными трудностями, урывками, в дни отпуска, а это не могло не сказаться на ней».

Мне хотелось бы рассчитывать на внимание ко мне со стороны „Нового Мира“ еще и потому, что когда-то я уже выступал на его страницах. Почему бы журналу не поддержать меня сейчас? Ведь вещь-то у меня духовно здоровая, честная, не спекулятивная. В ней нет тошнотворного сиропа, нет ложной крикливости, но есть жизнеутверждение.

А потом — новый материал. Тоже чего-нибудь стоит. Ведь северной (архангельской) деревни не было еще в литературе. А это исконная Русь, заповедник народной культуры....

Простите, пожалуйста, что я так откровенно агитирую за себя.

Но к этому меня побуждает еще одно обстоятельство. Дело в том, что моя книга принята Лениздатом и, возможно, в конце этого — начале следующего года будет опубликована. Вот почему я вынужден просить Вас решить вопрос в ближайшее время.

Хочу надеяться, что вы правильно поймете мою исповедь. Что касается Ваших замечаний (очень деловых и нужных!), то еще раз повторю: я очень внимательно отнесся к ним и сейчас делаю все, что в моих силах, чтобы улучшить рукопись».

Отвечая Заксу, Федор Александрович явно нервничал, высказывая даже то, о чем, в сущности, вообще не должен был и не имел права говорить. В письме проследивается мысль о том, что если бы «Новый мир» дал положительный ответ о публикации «Братьев и сестер», то Абрамов безоговорочно отказался бы от публикации романа в «Неве», да и в Лениздате. Настолько дорог был ему «Новый мир».

Но надежды, наивные надежды Федора Абрамова на решение о публикации в «Новом мире», да и вообще о поддержке романа журналом не оправдались. Когда Абрамов писал это письмо Заксу, Твардовского в журнале еще не было, и у руля «Нового мира» находился Симонов, который вряд ли стал бы «марать» страницы журнала весьма нелицеприятной фамилией, стоившей в свое время его предшественнику редакторской должности, да и самому журналу доставившей немало хлопот.

Безусловно, Симонов осторожничал, тем более время яркой «оттепели» уже давно прошло. Наступали другие времена. Не исключено, что, возможно, он и читал абрамовскую рукопись, но иного решения принять не мог. А может быть, Закс, зная о всех перипетиях 1954–1955 годов, просто не пустил «Братьев и сестер» по редакторской лестнице, положив под спуд у себя в столе. Конечно, для нас это догадки, но так вполне могло быть, и опровержения этому нет.

К слову, вряд ли бы и Твардовский, вновь переступив в июле порог редакции «Нового мира», в одночасье принял решение о публикации автора, столь нашумевшего

в свое время. Для принятия положительного решения наверняка потребовалось немало времени.

Уже через пять дней Абрамов получает новое письмо от Бориса Германовича, написанное в ответ на письмо Абрамова от 24 мая, вероятнее всего, в день получения последнего:

Дорогой Федор Александрович!

Очень хорошо, что мое второе письмо успокоило Вас. Еще лучше, что Вы продолжаете работать.

Несколько слов по существу. Клочковатость и стыки — вещи, взаимно связанные. Одно зависит от другого. Признав, что со стыками благополучно, вы признаете и одно из проявлений отрывочности. Вы пишете: деление на главы не случайно; каждая главка — законченный рассказ. Вот то-то и оно, что законченный, а надо, чтобы был и законченный и незаконченный одновременно. Чрезмерная законченность, обособленность одной главы от другой и создает ощущение рва, ямы, перескока. Отсюда и возникает то, что я назвал отсутствием стыков.

Насчет Нади не согласен. Нельзя выводить человека на первый план только как «красочку», «мазок». То, что Вы сделали неправомерно. Это еще один из отягчающих Вашу отрывистость моментов.

А вообще я не думаю, чтобы название диктовало форму без явно очерченного круга главных героев. Без этого будет нечто вроде первых фильмов Эйзенштейна («Стачка»), пафос «безгеройности», то есть то, что фотографы называют «икра» (снимок, где много народу, много голов). Бойтесь этой «икры». Общее выражается ведь через частное, конкретное. Вы это не хуже меня знаете. Не гонитесь за количеством.

О делах Анфисы и Лукашина. Смотрите сами, конечно, агротехнику вводить в роман не стоит, но чуть менее скупым быть на конкретику дел — не грех. Вопрос — в чувстве меры.

Теперь о самом главном. Ускорить какое-либо решение я сейчас не в силах. Надо подождать пока не приступит к работе новый редактор, тогда можно будет почитать снова.

Жму руку. Б. Закс

Это письмо Бориса Закса было, по сути, отказом в публикации, но Федор Абрамов, все еще надеясь, терпеливо ждал, пока не вышли все хорошие сроки ожидания положительного ответа и... не пришло сообщение о том, что роман вскоре выйдет в ленинградском журнале «Нева». В «Новый мир» по поводу публикации «Братьев и сестер» Абрамов больше не обращался.

Отдушиной во всех мучительных ожиданиях, как и в прежние лихие годы, стала родная Веркола, куда Федор Александрович, оставив свои ленинградские дела, семейные проблемы, улетел в начале июля и где пробыл до конца августа. С Людмилой вновь начались размолвки, причины которых для нее на тот момент были не совсем понятны, но об этом мы еще непременно скажем. «Ты последнее время ведешь себя странно, — напишет она Федору в письме 11 августа 1958 года. — Думаю, что дело не просто в усталости. Ты хочешь остаться свободным во всем, у тебя исчезает чисто моральная ответственность передо мной, а это вольно или невольно, по желанию, или нет, разрушает что-то большее и ценное, гнетет меня».

В это непростое для себя время, а впрочем, когда оно было для Федора Абрамова простым, он мыкался и душой, и сердцем, съедаемый думами о своей судьбе, о близких ему людях, о Людмиле, и, конечно, отчасти был на распутье своих замыслов о написании второй книги — продолжении «Братьев и сестер».

В том же ответном письме к Борису Заксу Абрамов искренне, словно на исповеди, раскрыл душу, поведав, наверное, о самом сокровенном, поставив для себя высокую творческую планку, не достичь которой он уже просто не мог.

Конечно, Заксу такое заявление Абрамова могло вполне показаться неким мальчишеством, амбициозностью молодого автора, еще не опубликовавшего своего первого произведения. «И тут я откроюсь Вам сполна, — сообщал Борису Германовичу. — По моим планам, это первая книга задуманного цикла романов о деревне 40—50-х годов. В „Братьях и сестрах“ я попытался показать деревню периода войны, в самый напряженный год, накануне Сталинградского сражения. Во второй книге „Встречи и разлуки“ я хочу изобразить деревню 1945—46 гг. (переход от войны к мирной жизни). В третьей книге — горе и радости послевоенной деревни, и, наконец, в 4-й — перелом в 50-е годы. При этом главные герои — Лукашин, Анфиса, Ст. Андриянович и особенно семья Пряслиных (Мишка, Лизка, и детишки-то подрастут!) будут проходить через все книги. И мне бы хотелось уже сейчас, в конце первой книги поставить: конец первой книги. Но я понимаю — это нескромно».

Все сказанное в этом письме Борису Германовичу будет исполнено Федором Александровичем — все последующие три романа пряслинской эпопеи действительно выйдут из-под его пера, что так же сроднит тетралогию «Братья и сестры» с четырьмя книгами «Тихого Дона».

И в это веркольское лето, набравшись сил, собрав свою волю в кулак, вопреки всему, не оборачиваясь на все то, что могло сбить с намеченного пути, он, еще не увидев опубликованными «Братьев и сестер», уже начал активно собирать материал для своего второго романа «Две зимы и три лета», который изначально был задуман как «Встречи и разлуки». Что двигало Абрамовым в это время? Огромное желание писать, работать или же желание доказать самому себе возможности в достижении поставленной цели? А может быть, он боялся упустить время?

Его творческой лабораторией, как и прежде, вновь стала маленькая, тесная комнатка в доме брата Михаила.

Но самое главное, он вновь был среди веркольцев! Много беседовал, бывал на рабочих станах, сенокосах и, конечно, сам неизменно помогал в труде землякам. Много записывал. Его записные книжки той поры от корки до корки исписаны тем, что ложилось на сердце, что потом станет ярким вкраплением в его будущие произведения.

Живя в семье брата Михаила, семья которого по-прежнему оставалась главным прообразом пекашинской семьи крестьян Пряслиных, он как бы изнутри видел ту нелегкую крестьянскую жизнь, что выпала на долю колхозников всего послевоенного периода, и сам жил ею. Жизнь колхозника — это непосильная работа за ничего не значащие трудодни, привязанность к земле, тяжкое бремя налогов, обязательство займов и много еще чего, что душило в крестьянах веру в справедливость, надежду на лучшую долю.

Он брал на карандаш все, что касалось первого послевоенного времени, по крупицам собирая необходимое, выискивая в каждой мелочи то, что могло ярко показать адский труд крестьянина, для которого и после весны 1945-го не закончился трудовой фронт. Часами просиживал в веркольской библиотеке, листая подшивки карпогорской районной газеты «Лесной фронт», просматривая газеты и журналы, выходившие в ту интересующую его пору.

Так, в писательском архиве Федора Абрамова сохранились собранные в лето 1958 года неоспоримые документы той поры: расчетные книжки и номерные обязательства Михаила Александровича Абрамова, работника колхоза «Лесоруб», на поставку в сельпо ячменя, картофеля, молока, шерсти и кожевенного сырья.

К примеру, в 1947 году с площади фактического посева ячменя в 0,19 га брат Михаил должен был сдать государству из расчета с 1 гектара 4,5 кг зерна, а всего — 0,09 центнеров; картофеля с площади 0,21 га сдать из первого сбора 0,21 центнер; молока за год сдать 140 литров самой высокой — 3,9 % — жирности. Ко всему тому еще надо было заплатить сельскохозяйственный налог в сумме 556 рублей 80 копеек, из расчета денежной оценки всей посадки зерновых, картофеля, одной коровы по кличке Лысоня да овцы, и это без учета того, что со всего этого был уже сдан натуральный налог, имеющий так же денежную оценку. Сдать все надлежало в определенные сроки в соответствии с добровольно-принудительным «обязательством», где значилось отдельной красной строкой: «Выполнение настоящего обязательства является первоочередной обязанностью каждого сдатчика и должно производиться в установленные сроки, причем намерения невыполнения обязательства будет караться законом».

Но ожидание выхода в свет «Братьев и сестер» было для Федора Абрамова самой большой наградой за долгий и мучительный труд. Правда, в положительное решение редакции он сам верил с трудом, до самого последнего момента тая в душе опасливость, что его вымученный роман, пройдя все круги редакционного ада, все же не доберется до читателя. Понятно было состояние Федора Александровича в этот момент, которое, впрочем, он старался скрыть от близких.

Известие о подписании в августе сентябрьского номера «Невы» с романом «Братья и сестры» Федор Абрамов получит уже по возвращении в Ленинград, а выход самого журнала в свет застанет Федора Абрамова в Крыму, куда он с Людмилой уедет 1 сентября почти на весь бархатный сезон.

Феодосия—Бахчисарай—Алушта—Ялта—Севастополь... Уже по возвращении из большого путешествия по Крыму 29 сентября Федор Абрамов получит свои долгожданные авторские экземпляры «Невы» и первый из них в этот же день подарит Федору Мельникову: «Федору Мельникову — неизменному и бескорыстному другу на всю жизнь, заботливой повитухе нашего детища, свидетелю и соучастнику всех творческих мук и радостей автора — с любовью и благодарностью. Ф. Абрамов. 29 сент. 1958».

Благодарные читательские отзывы. Они в первые же дни после выхода романа в свет стремглав посыпались на Федора Абрамова из разных уголков страны. Писали на адрес квартиры на Университетской набережной, писали до востребования, на кафедру советской литературы и даже в Ленинградское отделение Союза писателей, членом которого Абрамов еще не был. Писали просто: «Ленинград, писателю Федору Абрамову». И что самое интересное, и в таком варианте адреса, сродни письму чеховского Ваньки «на деревню дедушке», корреспонденция находила своего адресата. Это были искренние, благодарные письма за правду, за совесть, за искренность сказанного в романе, в котором многие увидели и свою непростую жизнь. И Абрамов, чувствуя свою ответственность за читательскую благодарность, непременно отвечал. А письма были такие:

Уважаемый Федор Александрович, здравствуйте!

Прочитала Ваш роман «Братья и сестры». Очень и очень мне понравился. Вы так правдиво все описали — так доступно доходит до читателя Ваше произведение. Легко читается, и запоминается что прочитано. Так разрешите мне Вас поздравить за этот роман. Вас можно назвать вторым Шолоховым ... Катыхева Дина, г. Зарайск. 19. 10. 59.

Или вот еще одно, короткое, но весьма основательное письмо от Н. Емельянова, сослуживца по университетской кафедре: «Федор Александрович! Прочитал роман и уразумел: родился на Руси талантливый писатель. Русский писатель! Поздравляю от всей души... 16.10.58 г.».

Слух о «Братьях и сестрах» быстро растекся и по Пинежью. Конечно, землякам Федора Александровича как никому больше всего хотелось прочитать роман, но журнал «Нева» не смог добраться до всех библиотек пинежской глубинки. 18 октября 1958 года библиотекарь из Новой Ловелы Капрогорского района Стахеева П. Т., еще не читая «Братьев и сестер», в своем письме к редакции журнала «Нева» просила выслать «журнал „Нева“ № 9 за 1958 год, т. к. там есть напечатан роман нашего земляка писателя Абрамова Ф. А. Это же про нашу жизнь на севере. Очень хочется прочитать роман „Братья и сестры“. Очень просим». Редакция исполнила просьбу Стахеевой.

А вот критика тотчас увидела в романе шолоховский след, и отнюдь не косвенный, а самый что ни на есть прямой.

Не прошло и месяца со дня публикации романа, как в газете «Вечерний Ленинград» от 9 октября появилась статья Ю. А. Андреева с жесткой критикой художественных недостатков романа, граничащих на уровне плагиата. «Отмечая идейные и художественные достоинства романа Ф. Абрамова, — говорилось в статье, — нельзя все же не сказать и о его недостатках. Главный из них — отсутствие в ряде случаев оригинальности. По другим произведениям читателям уже известна ситуация, при которой происходит „падение“ хорошего человека, соблазненного разбитной красоткой. Но ведь о Давыдове и Лушке рассказал Шолохов, зачем же, повторять его, Абрамов рассказывает о Лукашине и Варваре? Это уже не творческая учеба у великого мастера, а прямое повторение. Нельзя не отметить, что в речи старого Трофима часто проскальзывают интонации деда Шукаря, а сцена соревнования на пахоте написана в том же ритме и с теми же выражениями, как и соответствующая сцена в „Поднятой целине“. Этого можно и нужно было избежать, направив творческие поиски на изображение того, что увидено впервые, по-своему, как это и происходит с большинством образов и событий романа».

Борис Закс, прочитав роман еще в рукописи, прямо заявил Абрамову о перепеве романа с произведениями Шолохова, «подражании» определенным шолоховским героям, на что Федор Александрович в письме Борису Германовичу касательно образа Варвары Иняхиной отвечал: «И, наконец, о Варваре. Скажу откровенно — Ваше отношение к ней меня повергло в уныние. Почему банальна? Кого она Вам напоминает? Немножко Дарью („Тихий Дон“. — О. Т.), Лушку („Поднятая целина“. — О. Т.). Возможно — хотя она имеет все же свой характер, свою судьбу. Нет, Варвара — не перепев. К тому же она столь распространенный тип в жизни, что всегда будет в каких-то вариантах появляться в литературе, да в моей книге она и не выступает только в роли соблазнительницы — есть у нее и другие грани».

После первой рецензии на роман пошли и другие: в той же «Неве», «Смене», «Ленинградской правде». Так, в статье А. Эльяшевича «В тяжелую годину» («Ленинградская правда» от 30 октября 1958 года), в частности, говорилось, что роман «Братья и сестры» «в целом легко обнаруживает следы могучего влияния писательской палитры М. Шолохова, как известно, в совершенстве владеющего мастерством сюжетосложения».

И далее: «От М. Шолохова у Ф. Абрамова и зримая пластичность в изображении человеческих характеров, и любовь к обрисовке тонких душевных переживаний, и умение оттеснить чувства героев лирически проникновенным и взволнованным пейза-

жем, и внимание к языку и стилю, которое так не часто встречаешь в творчестве молодых писателей».

Замечали это сходство и близкие Абрамову литераторы. Вот письмо писателя Александра Зимянина от 9 апреля 1960 года:

Дорогой Федя!

Ты что же это, брат?! Вот уж ни к чему поддаваться всяким хворобам. Держись, дружище! Сделать-то сколько надо, ой-ой-ой!.. Читаю, медленно, но с волнением твоих «Братьев и сестер». Слышу твой голос, боль душевную. Вместе с тем ясно для меня, что медвежью услугу тебе оказал автор деда Щукаря. Ну, ладно, ладно! Об этом при встрече. Ты кремнистый, да и я не из пенопласта сделанный. Очень хотелось бы встретиться с тобой, разбойника, в Москве и уж всерьез поговорить обо всем.

А пока поправляйся поскорее, веди себя тихонько, как учил нас Владимир Иванович (Ведь доктора народ серьезный!). Крепко целую. Саша.

P. S. Сейчас у меня был Эмма Коржавин — просил передать тебе его дружеское рукопожатие.

О «зеркальности» «Братьев и сестер» с шолоховской «Поднятой целиной», да и «Тихим Доном» тогда действительно заговорили всерьез. Замечали такое сходство не только критики, но и читатели.

Абрамов на этот счет молчал.

Действительно ли были оправданы обвинения Абрамову на этот счет? Так ли это?!

Шолохов и Абрамов.

Наверное, за всю историю советской и российской литературы постсоветского периода Федор Абрамов был единственным, чьи произведения так близко подошли к творчеству Михаила Шолохова, что были не кем-нибудь, а простыми читателями поставлены в один ряд с «Тихим Доном», «Поднятой целиной» и даже «Судьбой человека». Конечно, злословная крикливая критика сразу же попыталась обвинить Абрамова во всех смертных грехах: подражании Шолохову, заимствованию сюжетов и речевого оборота, да и много еще в чем. Но не будем забывать, что и Шолохову на протяжении всей его жизни, да и после кончины те, кто не желал мириться с великим писательским даром Михаила Александровича, всячески старались вменить плагиат на «Тихий Дон». И в этом непростом эпизоде писательских судеб Шолохов и Абрамов так же схожи.

В 1975 году все литературное сообщество, вся страна отметили 70-летие Михаила Шолохова. Торжественные мероприятия проходили во многих уголках страны и, конечно же, в Вешенской, на Дону, на родине писателя. К этому событию было подготовлено переиздание книг, награды правительства...

Еще в конце 1974 года Федор Абрамов получает письмо от главного редактора журнала «Молодая гвардия» Анатолия Иванова. Письмо уже на заготовленном бланке, где имя и отчество адресата просто вписывалось рукой и главным содержанием которого являлась анкета. В письме значилось, что в преддверии юбилея Шолохова журнал проводит анкету среди писателей Советского Союза и нужно ответить на следующие поставленные вопросы:

«1. Каково Ваше понимание значения творчества М. А. Шолохова в истории отечественной и мировой литературы?»

2. Какое влияние оказало на Вашу писательскую судьбу творчество М. Шолохова?»

Анкету предлагалось выслать не позднее 15 января 1975 года. Что мог ответить Федор Александрович? Наверное, для Абрамова отвечать на анкетные вопросы сухим казенным языком означало не отвечать совсем. И он не ответил.

Федор Александрович Абрамов никогда не отказывался от влияния Шолохова на свое творчество. Называя Шолохова феноменом в русской, мировой литературе, гордостью страны и одним из лучших сынов человечества, высоко восприняв его чистое, светлое слово еще со школьной поры, в зрелые годы встав на защиту шолоховского авторства «Тихого Дона», Федор Абрамов не только заочно учился у Михаила Александровича литературному мастерству, но и шаг за шагом, от ступени к ступени своей академической деятельности сумел постичь его мир, его писательскую «кухню», добившись того, что его «Пряслиных» благодарные читатели поставили в одну обойму с творениями Михаила Шолохова. Конечно, сам Федор Абрамов к этому не стремился и цели такой не преследовал, следуя лишь золотому правилу писать правду, свидетельствовать глазами очевидца так, как делал это Михаил Александрович Шолохов.

Спустя годы, на авторском вечере 15 декабря 1980 года, состоявшемся в конференц-зале библиотеки им. В. И. Ленина в Москве, на вопрос из зала: «Нет ли в ваших произведениях переключки с Шолоховым?» — Федор Абрамов лаконично и очень метко отреагировал ответом: «Это не то, это не переключка, это связь, если хотите!»

Да, Абрамов был очень четок в своих ответах на вопросы тех, кто вольно или невольно тем самым хотел провести параллель Шолохов—Абрамов, желая пролить свет на писательское мастерство Абрамова.

Примечателен один весьма любопытный факт из жизни двух мастеров слова — Шолохова и Абрамова.

В первой половине 70-х годов, когда травля Шолохова, к тому времени уже нобелевского лауреата, за «Тихий Дон» достигла апогея, в Норвегии посредством переводных на тот момент машинных технологий было решено проверить достоверность принадлежности руки Михаила Александровича к тексту гениального романа. Методом дидактического вычленения, сравнительного анализа текста «Тихого Дона» и других произведений Шолохова, а также текстов донского писателя Федора Крюкова, претендовавшего на авторство романа, было установлено подлинное авторство Михаила Александровича романа. Первым, кому было сообщено о результатах проведенных исследований, был Федор Абрамов. В ответном письме организаторам проведенного исследования Федор Александрович писал:

Многоуважаемый Гейр Хетсо!

Спасибо за работу о «Тихом Доне».

Должен сказать, что читал я ее с превеликим волнением: все боялся, что не сработают, оскандалятся ваши машины. Но они, слова богу, оказались на высоте, и авторство Шолохова отныне доказано по самому последнему слову техники и науки.

Я не случайно пишу в несколько игривом тоне, ибо для меня, как, впрочем, думаю, и для всякого непредубежденного читателя, никогда не существовало этой проблемы.

Шолохов и Крюков... да неужели надо прибегать к науке, пускать в ход все достижения современной техники, чтобы отличить гения от рядового писателя? В старину во всем этом разбирались без машин.

А впрочем, мы живем в машинный век, когда люди доверяют больше машинам, чем себе, и благодарное Вам, искреннее спасибо за то, что Вы рассеяли сомнения и недоразумения, посеянные в умах европейского читателя.

До встречи в Норвегии!

А будете в Ленинграде, звоните (213-65-63).

Посылаю Вам одну из своих книг.

Всего доброго!
Ф. Абрамов
15 ноября 1978 года

И в то же время Абрамов, никогда не заискивающий, не умеющий лицемерить, был крайне суров в критике, не только в адрес не обличенных славой писателей, но и в адрес самого Шолохова, в частности его второй части «Поднятой целины», отрывок из которой был опубликован 16 апреля 1954 года в журнале «Огонек». Вот строки из абрамовского дневника на этот счет: «Отдельные места неплохие. В целом же отрывок меня разочаровал. Увы! Это не настоящий Шолохов. Даже пейзаж, которым открывается отрывок, не тот. Степь сравнивается с матерью — так, конечно, не сказал бы старый Шолохов. Как и в „Они сражались за Родину“ — здесь тоже мелкое комикование...

Вообще, вся глава очень дробна, составлена из кусочков... Есть даже повторения.

Не понимаю, что происходит с Шолоховым. Люся уверяет, что это результат отрыва от народа. В этом есть доля правды. Горелов, побывавший в Вешенской, рассказывал, что дом его огорожен высоким забором (символическая вещь этот забор в жизни писателей) и что в нем тут и там выдавлены сучки: так народ сейчас общается с великим писателем. Через дырку сучка!

Изменился не только стиль, язык Шолохова, изменился он сам. Раньше портрет его изумлял вас своей высокой интеллектуальностью, сейчас на вас смотрит заурядное лицо приказчика с выхоленными усами. Неужели и этот отступился от правды? Жаль, очень жаль!»

Понятно, что эти строки были написаны Абрамовым в тяжелые для него дни весны 1954 года, когда он искренне, в душе боготворя Шолохова, ждал от него поддержки относительно своей статьи «Люди колхозной деревни...» и... не дождался. Тем не менее со стороны Абрамова это был весьма серьезный выпад в адрес именитого писателя, который мог иметь далеко идущие последствия. Для такого шага, пусть и искреннего в поиске правды, нужна была не только внутренняя смелость, но и исключительное следование правде слова, поступиться которой для Федора Абрамова было просто немислимо. И тем не менее Шолохов для Абрамова был непревзойденным мастером слова, по чистоте, силе и мощи которого равных ему не было.

Литературное дарование, как и талант любого другого рода, это всегда свыше, от Бога. Но путь становления мастерства — это всегда напряженная, изнуряющая работа. И какое счастье, когда рядом есть хорошие учителя! Для Федора Абрамова таким учителем в первую голову был Шолохов. «Кто читал мою первую вещь „Братья и сестры“, тем очевидно: влияние Шолохова», — признается Абрамов во время своего выступления 6 июня 1978 года в ленинградском Доме журналиста.

Несомненно, абрамовская тетралогия о жизни крестьян северной деревни в военные и послевоенные годы, где во главе повествования жизнь Михаила Пряслина, и шолоховская казачья эпопея из четырех книг о нелегкой судьбе Григория Мелехова не просто перекликаются друг с другом, они дышат одним воздухом, воздухом любви к человеку, вставшему наперекор судьбе, где желание и счастье жить поставлено во главу угла.

Тут и там четыре книги, разбитые на главы, где каждая представляет собой законченный, наполненный сюжетом рассказ, Тут и там десятки героев, чьи судьбы сплетены воедино и в контексте книги представляются единым целым, некоей глыбой, которую нельзя ни разбить, ни разделить и без которых повествование уже просто не-

мыслимо. Тут и там реалистическое описание природы, при прочтении которого на душе растекается тонкая грустинка радости (такое бывает только у больших мастеров слова!). Тут и там колорит речи в диалогах героев, дающий почувствовать всю палитру исконного русского слова. Тут и там война и мир, поломанные войной судьбы, рвущиеся в мир. Родная деревня Абрамова Веркола стала прообразом романистической Пекатино, как и хутор Калининский, воплотившийся в образе Татарского в «Тихом Доне». И Пекатино, и хутор Татарский выросли на берегах больших русских рек — северной Пинеги и южного Дона, являвшихся для Шолохова и Абрамова реками их детства, ставших в романах по-своему главными героями.

Да и много еще чего, что роднит «Пряслиных» и «Тихий Дон». Абрамов, зная о том, что журнал «Октябрь» в 1928 году с легкой руки Александра Серафимовича открыл читателям Шолохова, очень хотел, чтобы и его литературное творчество выпорхнуло со страниц журнала «Октябрь». Может быть, это совпадение, но все же ...

И конечно, познать так глубоко творчество Шолохова мог только тот, кто в своей научной деятельности ни на шаг не отступил с этой стези, а Абрамов в свои сорок лет был шолоховедом с большой буквы. С его мнением считались, к нему прислушивались, и в чем-то оно было непререкаемым.

Вышедший в свет в 1958 году сборник статей «М. А. Шолохов. Семинарий», написанный совместно с филологом Виктором Гурой, в котором перу Федора Абрамова принадлежало два раздела «История изучения жизни и творчества М. Шолохова» и «Темы самостоятельных работ», был высоко оценен не только научной общественностью, но и принят простыми читателями, ведьма далекими от университетских кафедр.

Работая над «Братьями и сестрами», Федор Абрамов благодаря своему огромному природному дару исследователя-филолога сумел взять у школы шолоховского литературного мастерства самое лучшее, преобразовав в свой абрамовский стиль, тем самым перекинув мостик-радугу всей палитры народного русского языка от себя к Великому Шолохову, чем и завоевал любовь читателей. И в этом еще один феномен писателя Абрамова, который для многих исследователей его творчества по-прежнему остается загадкой.

Но даже выход романа в «Неве», текст которого был с восторгом принят читателями, не останавливал редакторов, в частности, Лениздата, где готовилась к выходу в свет первая отдельная книга «Братьев и сестер», в намерении внести свои коррективы в текст, не желая их даже согласовывать с автором. Федора Абрамова это невероятно возмущало. Приводя в соответствие свой авторский текст в первом варианте корректуры, после «работы» корректора он вновь во втором варианте получал то же самое. Так, к примеру, корректором вовсе бесцеремонно было изменено имя Егорша, на Егорушку, изменялись диалоги героев, вместо точек ставились двоеточия, вместо пинежского «о» ставилось «а», что в корне меняло колорит северного говора.

3 декабря 1958 года Абрамов пишет письмо на имя директора Лениздата Л. И. Попова, заведующего отделом художественной литературы М. М. Смирнова и редактора П. Ф. Копытина, в котором излагает видение неправильной работы корректора и недопустимости правок без согласования с автором: «Заканчивая работу над второй версткой романа „Братья и сестры“, не могу не обратить Вашего внимания на явное превышение своих прав корректором Лениздата. В интересах справедливости должен отметить, что ряд исправлений, внесенных корректором в текст книги, оказался условно полезным. Однако в целом вторжение корректора в мой текст (причем без согласования со мной) нельзя назвать иначе, как самоуправством, которые в значительной мере осложнили работу наборщиков». С каждой последующей фразой тон абра-

мовского письма становился все жестче и жестче. Такое поведение корректора тем более предосудительно, что «Братья и сестры» уже напечатаны в журнале «Нева», а затем были снова и тщательно отредактированы редактором Лениздата П. Ф. Копытиным... Непрерывная «война» корректора с автором мешает последнему сосредоточиться на тексте в целом, ибо автор невольно вынужден вместо внимательного чтения все время проявлять сверхмерную бдительность в отношении корректора.

Читая эти строки, понимаешь, насколько сложно было выстоять, сохранить Абрамову живой авторский стиль повествования и задуманный им слог в романе. Конечно, публикация романа в «Неве» не могла не ободрить его, он действовал смелее, чем прежде, но ведь все могло быть, могли и отказать в издании отдельной книги романа.

Отдельной книгой «Братья и сестры» вышли в марте 1959 года и почти сразу стали магазинной редкостью. Книгу покупали те, кто уже был знаком с романом по «Неве», и те, кто, наслышавшись о ней, лишь впервые открывали для себя имя Федора Абрамова. Приобретали в подарок родным, родственникам, друзьям. Это был триумф романа, триумф его автора. Создавалось такое впечатление, что издательства «проснулись» и каждый желал иметь в своей картотеке публикаций «Братьев и сестер». Даже редакция календарей Госполитиздата стала просить у Абрамова разрешение опубликовать небольшой отрывок из романа в настольном календаре на 1960 год, о чем 22 июня отправила соответствующее письмо.

«Братьями и сестрами» заинтересовалась и «Роман-газета». В то время опубликоваться в «Роман-газете», как и в «Новом мире», означало получить не только читательское признание, но и признание литературного сообщества. Журнал выходил многотысячным тиражом, приходил во все библиотеки большой страны, выписывался миллионной армией подписчиков. Мог ли Федор Абрамов мечтать о такой известности еще два-три года тому назад, когда получал «отлуп» от редакций толстых журналов? А теперь его имя, еще пять лет тому назад предававшееся публичной порке, становилось в один ряд с теми, кто вершил советскую литературу послевоенного периода.

Еще в марте 1959 года отдел «Роман-газеты» столичного издательства «Художественная литература», которое находилось, как, впрочем, и ныне, в Москве, на улице Новая Басманная, 19, направил Федору Абрамову коротенькое прошение, вызванное скорой публикацией романа в журнале, с просьбой прислать «имеющиеся у Вас рецензии, особенно ленинградские, на Ваш роман „Братья и сестры“». Газетные статьи о романе явно не подходили, и Федор Александрович вновь пришел на Невский, 3 в редакцию журнала «Нева» к заведующему отделом художественной литературы Эдуарду Грину. Грин, услышав просьбу Абрамова, откликнулся сразу. Наверное, это была первая серьезная, короткая, но очень лаконичная и цельная, без всякой напускной мишуры, рецензия на «Братьев и сестер», впоследствии даже представленная Абрамовым в приемную комиссию Союза писателей.

«Почему-то существует мнение, — писал Грин, — что литературоведу-критику не следует пытаться пробовать свои силы в художественной прозе по той причине якобы, что там его непременно постигнет неудача. Может быть, это мнение в отдельных случаях и справедливо, но пример с Ф. А. Абрамовым вносит в подобное утверждение существенную поправку. Федор Александрович Абрамов — автор целого ряда статей по вопросам литературы. Он же — один из авторов ценной монографии о М. Шолохове. И он же, автор романа „Братья и сестры“, в котором проявил неожиданно прекрасное знание жизни деревни.

По поводу его литературной деятельности можно гадать и спорить: по призванию он избрал себе профессию или нет. Но что его место в художественной прозе — это те-

перь неоспоримо. Он написал хорошую книгу о северной колхозной деревне периода Великой Отечественной войны. В отличие, от многих других произведений, написанных на эту тему, он не ввел в свой роман острого конфликта, не пытался искусственно усложнить сюжет. Кажется, будто он умышленно задался целью не дополнять жизнь художественным вымыслом и изобразил деревню такой, какой ее увидел. Никаких ярких событий в ее жизни не происходило, и люди тоже ничем особенным не блистали. Они трудились, не покладая рук, ибо шла война. Для личных радостей у них оставалось мало времени, да и не было поводов для радостей. Ну, что ж. Автор все это и показал, ничего не прибавляя и не убавляя. Но именно потому все получилось жизненно и убедительно.

24 апреля 1959 года Э. Грин».

Именно роман «Братья и сестры» стал той плодородной почвой, тем богатейшим черноземом, на котором от года к году стал расти и крепчать творческий союз Федора Абрамова и Людмилы Крутиковой, которому будет суждено стать тем самым компромиссом между сложной, мятущейся, взрывной личностью Федора Абрамова и ее огромной, искренней, светлой любовью к нему, позволившей не просто сохранить их семейную жизнь, но и стать добрым посылом в поиске самих себя, общего счастья. Это был действительно Великий союз двух личностей, одаренных от Бога творческой искрой, в котором одна из них, обладая огромной мудростью, смогла положить на алтарь победы другой свою высоту, растворившись в ее творческих исканиях. Это будет во все не безмятежный Союз! В его судьбе будут и адские грозы, и ненастные ураганы, но вопреки всему ненастью ему будет суждена долгая жизнь. Этот Союз переживет самого Федора Абрамова: его Людмила, которая на долгие годы станет поистине ангелом-хранителем его могучего дара словотворца, его безмерного таланта, подарит ему вторую жизнь — жизнь в слове, жизнь в доброй памяти.

В 1959 году, перед самым отъездом Федора Абрамова в Архангельск 7 мая, откуда он намеревался отправиться в Верколу, из «Роман-газеты» пришла последняя, окончательная корректура «Братьев и сестер», публикация которых была обещана в декабрьском номере журнала.

Понимая необходимость поездки Федора на родину, где ждал его слегший от большого недуга старший брат Михаил, оставшаяся в Ленинграде Людмила Владимировна взяла на себя все заботы по вычитке корректуры и улаживанию с издательством всех необходимых вопросов по предстоящей публикации, по сути, став литературным секретарем Федора Абрамова. Хорошо зная абрамовский стиль письма, его обороты и диалекты, его северную говорю, она отстаивала перед редакцией все то, что казалось тамошнему корректору несущественным, второстепенным, диалектически вычурным и непонятым для читателей. Она держала битву за текст так, как держал бы его Абрамов — твердо и упористо.

Уже из Верколы, видимо не зная о том, что 12-й номер «Роман-газеты» уже подписан в печать (с 1957 года журнал выходил 24 номерами в год, и 12-й номер приходился на июль), Абрамов в письме к Мельникову от 6 июня просит оказать поддержку Людмиле в работе с издательством, горько сетуя, что «московские цензоры измучили меня: вносят такие исправления, которые курам на смех. Поддержи Люсю: пусть стоит на своем».

Это было первое литературное сражение «один на один» Людмилы Крутиковой за абрамовское слово, за его чистоту и самобытность, которое она с честью выдержала. В этой битве она отстояла не только текст, но и название романа, которое не очень

приглянулось редакции. В очередной раз, потрясенная текстом романа, она взволнованно писала Федору в Верколу: «Читала с удовольствием. Вещь очень хорошая — глубокая. Поэтичная, правдивая. Задуманная. Пожалуй, одна из сильных сторон книги — в ее лирической взволнованности, любви к северному краю и ее людям. Очень хорош язык. ...Твоя первая книга — большой успех».

Несомненно, Федор Александрович не мог не оценить в Людмиле Владимировне этот искренний творческий порыв взаимовыручки, надежной опоры, от всей души разделяя с ней свой первый успех на литературном поприще. «Люне-Горюне — спутнице в горе и радостях, на себе испытавшей творческую историю „ромашка“. Зай. 1/X 1958», — трогательно надпишет он ей один из авторских экземпляров «Невы» с первой публикацией романа, тем самым выразив в этой короткой строке всю радость восхищения человеку, делившему с ним все его радости и беды. И, конечно же, первый авторский номер «Роман-газеты» с «Братьями и сестрами», подаренный Людмиле Владимировне 23 сентября 1960 года — в день ее рождения, был не просто подарком, он был абрамовским откровением, пусть по-мужски скупым, но от души и сердца: «Дорогая Малюша! В этой книге нет ни одной страницы, ни одной строчки, которая не была бы „пропущена“ через тебя. И сегодня, в день твоего рождения, мне хочется сказать тебе огромное спасибо и пожелать много счастья, радости и крепкого здоровья».

Без сомнения, к этому времени в Абрамове начала расти искренняя вера в человека, который его безмятежно любит и готов мириться со всем, поставив во главу угла его писательство. С каждым последующим годом он будет понимать это все больше и больше, и, забегая вперед, скажем, быть может, это станет одним из тех звеньев, что впоследствии спасет их брак в середине 70-х годов от уже явно наметившегося разрыва. Именно «Братья и сестры» проложат ту невидимую, но очень крепкую связь между ними, разрушить которую уже не сможет никто и ничто!

А поездка Абрамова в Верколу затянулась. Брат Михаил тяжело болел, и все мужицкие хлопоты по дому на полтора месяца легли на плечи Федора. В эти дни он словно вновь окупился в свое взрослое детство, раннюю юность, вспомнил, как помогал матери и братьям колоть дрова и по несколько раз на дню ходить за водой к колодезному журавлю, как помогал сажать немудреный огород и брать на покосе первую траву.

Этот приезд на родину для Федора был самым длительным после того отпуска по ранению, в апреле 1942-го. Но теперь было все иначе, и в доме вместе с ним хлопотали от зари до зари, помогая матери, самые младшие подростки племянники — Надежда да Вовка, который не иначе как другом дяди Федей себя именовать не мог. Да и сам Федор Александрович души не чаял в племянниках. Чуть свободное время — так тотчас к ним. Супруга Михаила Анна детей останавливала, а они знай свое дело — не отгонишь. Ну а как час-другой выпадал, а то и поболее, так и вовсе на реку шли — рыбалка для всех в радость была.

Для Вовки рыбалка в общении с дядей Федей была ключевым моментом: когда лучше пычи (пескари. — О. Т.) ловятся, какая мормышка лучше или червя целиком или половинкой на крюк цеплять — это были не просто вопросы по теме, они для них обоих были весьма актуальны, и к разрешению их они подходили «во всем серьезе». Их единение было каким-то особым, и Вовка чувствовал в дядьке не просто родство, не просто близкого человека, а именно друга по духу и пониманию, и мальчишеское сердце обмануть в этом было просто нельзя.

До конца жизни Федора Абрамова письма к нему племянника Владимира, как и в пору детства, так и в пору, когда тот уже сам станет отцом, будут от первой до по-

следней строчки пронизаны искренней, сыновней любовью с обязательной подписью «Твой друг Вовка» или «Друг твой Владимир». Такое отношение нужно было заслужить!

Конечно, находилось время и для писательского дела. Пополнялись многочисленными записями дневники, появлялись новые черновые страницы будущего романа «Две зимы и три лета», набело строился текст повести «Безотцовщина». И когда наступали часы писательства, Федор Александрович, просив его не тревожить, уединялся в малой комнатке дома, устраиваясь за небольшим самодельным столом. И тогда дом затихал. «Дядя Федя работает», — шептала малышне мать и выдворяла озорничать на улицу. Да и сама не особо шумела по хозяйству в доме, давая Федору осилить задуманное.

В эту веркольскую поездку Абрамов начинает собирать материал к роману о Гражданской войне на Пинежье, мысль о написании которого будет беспокоить его все последующее время. Он начинает продумывать и разрабатывать сюжет, набрасывать в своих дневниках контуры будущей саги о том суровом и жестоком времени. Абрамов никоим образом не рассчитывал на короткие сроки в работе над этой темой, а порой и вовсе страшился, сомневаясь в положительном осуществлении задуманного. Сомневаться было свойственно натуре Федора Абрамова, но в данном случае это сомнение подкреплялось действительно громадным материалом еще никем не выбранной темы.

Все в том же письме Мельникову от 18 мая 1959 года Абрамов сообщает, что по пути в Верколу заехал в архив Карпогорского райкома партии где «весьма щедро» представлены материалы о Гражданской войне на Пинеге. «Какие страсти, какие судьбы человеческие развертывались в годы сотворения нового мира! — сообщает Федор Александрович в письме к другу. — Но я все еще не решил, браться ли за эту тему. Страшит обилие материала и та гигантская работа (подготовительная), которую надо проделать».

Но что ни говори, а последние месяцы 1958 года и последующие два года для Федора Абрамова проходили под знаком первого его романа. Став впоследствии создателем многих других произведений, полюбившихся читателям, для них он прежде всего останется автором «Братьев и сестер» — романа, который ввел его в большую литературу.

Весомый гонорар, полученный за «Братьев и сестер», помог выбраться из «ректорского дома» на Университетской набережной пусть в скромную, малогабаритную, но уже двухкомнатную квартиру на Охте, в дом 66 по Новочеркасскому проспекту, где у Абрамова появился свой писательский кабинет.

На недолгий срок, менее двух лет, эта квартира станет для Федора Абрамова писательской лабораторией, где будут совершенствоваться (Федор Александрович не мог без этого!) главы уже вышедших в свет «Братьев и сестер», обдумываться тексты нового романа — продолжения пекашинской эпопеи, пьесы «Один Бог для всех», повести «Безотцовщина», сюжет которой будет идти от самого сердца, с болью вырываясь каждой новой строкой на лист бумаги (оттого-то и повесть получится, словно слезами умытая).

«Братья и сестры» были восторженно встречены на родине писателя. И не оттого, что писатель был из местных, а потому, что к истине, изложенной в романе, остать-

ся равнодушным никто не мог. Эта истина была судьбой большинства тех, кто взял в руки роман. Для них, переживших то военное лихолетье в трудовых буднях колхоза, «Братья и сестры» были не просто книгой о тяжелой судьбе колхозника, это была книга о их собственной жизни, потому и восприятие прочитанного было особенное.

А кто-то, проникшись прочитанным, примерив описанную колхозную жизнь на себя, решил, что ему нужно обязательно познакомиться с автором. Так читательница из Вологды, тридцатилетняя колхозница Тамара Новикова, прочитав роман, писала Федору Абрамову на адрес Союза писателей: «Прошу вас очень передать мое письмо Ф. Абрамову. Мне надо познакомиться с очень хорошим писателем и рассказать ему свою жизнь, жизнь других людей простых смертных, современных, живущих в колхозах...»

Сам Абрамов не был в стороне от описываемого в романе времени — весны — лета 1942 года. Он взял за основу романа именно тот период военной колхозной поры, что прошел перед его взором. Война накануне перелома, армия Третьего рейха на берегах Волги, впереди Сталинградская битва, а он, рядовой армеец, хлебнув сполна на поле брани, вернувшись на родину после тяжелого ранения, попал на другую войну, «бабью, стариковскую, детскую», и так был потрясен ею, что мысли написать и рассказать всему миру о тех событиях возникли почти сразу.

Роман-быль, где художественный вымысел отступает перед правдой жизни. И может быть, поэтому книга выстроена на редкость просто, и оттого в ней, по мнению критика Александра Михайлова, «слабая художественная трансформация материала». И там же, в критической статье «Больше требовательности!» № 9 «Вопросов литературы»: «Сказовый колорит местами невыразителен, «особенные» пекашинские выражения выглядят нарочито. Недостает „Братьям и сестрам“ и необходимой композиционной продуманности».

Как знать, а может быть, вовсе и не нужны были роману эти «композиционная продуманность» и «художественная трансформация», не в этом гвоздь романа, потому и получилось произведение не вычурным, а «черным по белому» писанным, ясным и незамутненным, пронизанным острой драматургией. Убедительность повествования автора, видевшего все своими глазами, подкупает читателя, впрочем, как и правда «Тихого Дона», многие сюжеты которого прошли перед глазами Шолохова как картинки его собственной жизни. И в этом тоже есть глубокое сходство этих произведений.

Недаром писатель-фронтовик Михаил Николаевич Алексеев в статье «Повесть о стойкости народной», опубликованной в № 11 за 1958 год журнала «Дружба народов», назовет произведение Федора Абрамова «Братья и сестры» не романом, а повестью, правда повествования в которой «возникла из знания жизни и бережного отношения к ней». И наверное, по-своему он был прав.

Спустя годы, уже на взлете нового XXI столетия, в декабре 2007 года, художественный руководитель Малого драматического театра, народный артист России Лев Абрамович Додин перед постановкой спектакля «Братья и сестры» на сцене Архангельского драматического театра, выступая перед зрителями в Центральной библиотеке города Архангельска скажет: «До сих пор поражаюсь, каким образом Абрамов сумел войти в легальную советскую литературу, потому что там описана страшная правда о полной античеловечности строя. Я могу этого объяснить только недобросовестностью цензоров, уж очень большие книги были (Л. А. Додин имел в виду всю тетралогия „Братья и сестры“. — О. Т.), — их прочитать от начала до конца было трудно. А с другой стороны, он написал об этом с такой мерой общечеловеческого гуманизма, с такой

мерой сострадания и с такой мерой глубины постижения этих людей, когда простой деревенский парень Михаил или простая деревенская женщина Варвара становятся действительно героями большой литературы, носителями огромных страстей и мощнейших внутренних противоречий»².

В мае 1959 года отправляясь в Верколу, Федор Александрович, конечно же, прихватил с собой для земляков номера «Невы» да несколько отдельных книг «Братьев и сестер», успевшей выйти к моменту его отъезда.

Добравшиеся до библиотек Карпогор и Верколы «Братья и сестры» в одночасье ушли в народ. Роман читали чуть ли не в каждом доме. Кто не знал грамоты — внимательно слушали. Те, кто успел ранее прочитать роман в «Неве» (библиотеки выписывали этот ленинградский журнал), хвалили Федора Александровича. Все старались «раскрыть» правду Пекашина, определив в героях романа своих земляков-веркольцев. Но это было сделать непросто даже тем, кто вырос и жил в деревне.

Да что простой читатель! Родная сестра Абрамова Мария Александровна, знавшая Верколу и ее жителей вдоль и поперек, прочитав «Братьев и сестер», в письме к брату от 10 октября 1958 года сообщала: «Федя, а я так и не могла догадаться, как не предполагала, кого ты имеешь в виду в образе Анфисы? Варвары?»

А этот огородник? Не Федя Прошин?

А кто этот Андриянович?

А кто в образе Анки? Кто Ваня-Сила?

А так ведь все ты верно показал в книге. Даже не все. Хуже еще жили люди. Ведь я жила в то время в Верколе. Я так понимаю, что Пекашино — это Веркола.

Поясни мне хорошенько в следующем письме ...»

Пекашино — это Веркола? Кто они — Анфиса, Варвара, Марфа, Анка, Мишка Пряслин, Лиза, Ваня-Сила, Егорша, да много еще кто, чьи образы вобрали в себя реальные судьбы тех, на чье время выпала великая страда военного лихолетья? Кто они, кого обессмертил Федор Абрамов в образе героев «Братьев и сестер»? Реальные или собирательные образы?

Уж очень выразительными они получились в романе, очень притягательными. Это были не просто образы, а живые портреты, и отнюдь не вымышленные, а вполне реальные, живые.

Конечно, Абрамов, работая над текстом романа, знал, что читатель, особенно свой, веркольский, обязательно задастся этим вопросом, будет думать, гадать, заглядывая в лица земляков, и, не найдя ответа, вновь и вновь будет перечитывать страницы романа в надежде постичь тайну образов, выведенных Абрамовым.

И все же 6 июня 1959 года Абрамов сообщал в письме к Мельникову: «Земляки меня встретили хорошо, но некоторые едва скрывают досаду: им кажется, что в моих героях выведены некоторые из них, причем выведены не совсем в лестном свете. И бесполезно разубеждать».

Вполне закономерно, что Федор Александрович очень трогательно относился к тому, как воспринимают его роман на родине, посему отзывы о романе земляков были для него куда важнее большой прессы. Но газета «Лесной фронт» молчала.

И вот спустя больше года со дня выхода в свет романа, 25 октября 1959 года, такой «первенец» под заголовком «Эта книга про нас...» все же появился. Автором статьи был пинежанин из деревни Шотова Гора, военнослужащий, Алексей Сергеевич Москвин.

Помимо критики (без нее было тогда никак нельзя: требовал «шаблон» статьи), статья угодила в самую точку и была воодушевленно принята Федором Александро-

² Л. А. Додин. Путешествие без конца. Диалоги с миром. СПб.: Балтийские сезоны, 2013. С. 336–337.

вичем. Москвин писал: «Читаешь книгу и думаешь: возьми за перо не местный, прикомандированный писатель — не получилось бы так талантливо и глубоко... Огромная заслуга автора в том, что он добился такой правдивости, такой глубины показа жизни тружеников нашего района, что очень многие страницы читаешь, как воспоминания, как документальную хронику...

Вероятно, все земляки с интересом прочитали это талантливое произведение молодого советского писателя, ученика М. А. Шолохова (! — О. Т.) Ф. А. Абрамова, и хотелось бы просить писателя, чтобы он навестил героев своего романа, рассказал им о работе над книгой, о своем творчестве. Архангельское издательство должно переиздать эту замечательную книгу — маленькую энциклопедию нашего Верхнепинежья».

Москвин в своей статье явно не заискивал и не желал вызвать к себе благосклонность со стороны автора «Братьев и сестер», чем, вероятнее всего, и завоевал глубокую симпатию Федора Абрамова. Уже спустя несколько дней Москвин держал в руках абрамовское письмо к нему, отправленное на адрес редакции газеты, в котором Федор Александрович искренне благодарил за статью и даже предлагал автору публикации серьезно попробовать себя в жанре критики.

Их встреча с глазу на глаз состоится в июне следующего года в родительском доме Москвина в Шотовой Горе, и положит начало их дружбе на все оставшееся время — чуть больше двадцати лет абрамовской жизни.

Как и «Тихий Дон», открывающийся описанием мелеховского двора в хуторе Татарском, «Братья и сестры», с первых строк завлекая читателя в Пекашино, открываются описанием этой северной деревни, ее особого колорита домов-богатырей: «Бревенчатые дома, разделенные широкой улицей, тесно жмутся друг к другу. Только узкие переулочки да огороды с луком и небольшой грядкой картошки — и то не у каждого дома — отделяют одну постройку от другой. Иной год пожар уносил полдеревни: но все равно новые дома, словно ища поддержки друг у друга, опять кучились, как прежде».

Абрамовское Пекашино в «Братьях и сестрах» — это не просто деревня, где происходят события, изображаемые в романе. С описания этой деревни начинается зачин абрамовской саги. Образ Пекашина зримо и незримо присутствует во всем повествовании. Да и само название деревни не простое, явно говорящее, образно отдающее терпким духом свежееиспеченного сытного житника — ячменного хлеба. И есть в этом названии деревни что-то исконно русское, никогда не стареющее, крепко-накрепко сросшееся с землей-кормилицей и людским трудом на ней. Абрамовское Пекашино из самого нутра его души, из самого сердца автора, потому и легко воспринимается, по-своему, как родное, близкое.

Пекашино по-своему главный герой книги. Отметим, что пролог, который в первом варианте книги открывал ее, после написания романов «Две зимы и три лета» и «Путь-перепутья» «перекочевал» в неформальное вступление ко всей трилогии «Пряслины» и до создания Абрамовым романа «Дом» не включался в основной текст первого романа.

«Пекашино распознают по лиственнице — громадному зеленому дереву, царственно возвышающемуся на отлогом скате горы. Кто знает, ветер занес сюда летучее семя или уцелела она от тех времен, когда тут шумел еще могучий бор и курились дымные трубы староверов? Во всяком случае, по загуменью, на задворках, еще и теперь попадают пни. Полуистлевшие, источенные муравьями, они могли бы многое рассказать о прошлом деревни» — таинственно скажет Федор Абрамов о деревне, притаившейся на берегах реки Пинеги.

Но действительно, где оно, Пекашино? Где это абрамовское лукоморье, наполненное светом людской доброты, любви к ближнему?

Северяне, архангелогородцы, пинежане после прочтения романа «Братья и сестры» неизменно пытались отыскать на родных просторах таинственное Пекашино.

Однажды в своем письме к Абрамову от 9 января 1959 года одна молодая читательница Валентина Коновалова, прочитавшая в «Неве» «Братьев и сестер», довольно искренне спрашивала писателя: «Ответьте, пожалуйста, а где Ваша родина, в Пекашине? Я не слыхала такой деревни, может быть, ее название вымышленное?»

А вот старшая племянница писателя Галина сразу распознала в Пекашине свою родную Верколу: «Многое нахожу в романе нашенское, простое, веркольское, — сообщила она в письме к Федору Александровичу 15 октября 1958 года, — дядя Федя даже все новины, эту старую лиственницу, что стоит на горе, против Анны Олькиной дома, все описал!»

Конечно же, прообразом Пекашина стала пинежская Веркола, узнаваемая во многих картинках романа: описанием реки, монастыря, угора, Поповского ручья, колхоза «Новый путь» и, конечно, той самой вековой лиственницы, что и поныне высится у абрамовского косика-тропки, совсем рядом от усадьбы Федора Александровича и места его вечного земного упокоения.

Не укажи Абрамов в самом начале своего романа веркольскую приметку — лиственницу — и не смени он название романа «Мои земляки» на «Братьев и сестер», сразу бы угадался в контексте романа образ его малой родины? Наверное, да. И дело здесь вовсе не в реке Пинеге, что одна такая течет в этих местах, не в монастыре, вид на который только из Верколы, а в другом: чтобы так написать, нужно болеть своей родиной, носить в себе ее образ, знать ее. Вот почему роман «Братья и сестры» пронизан этой любовью от корки до корки, поэтому в Пекашине и угадывается абрамовская Веркола. «Пекашино — деревня созданная воображением писателя. Но разве не вошли в художественный мир Пекашино черты реальной Верколы?» — подметит в своей статье «Познание современности» Л. Антопольский (журнал «Юность», 1974, № 8).

Создавая образ Пекашина, Федор Абрамов не просто срисовывал Верколу, он до тонкостей продумывал каждую деталь, наполнявшую образ деревни. В его архиве сохранились рисунки Пекашина, которые автор прорабатывал до мелочей, и в этих рисунках без особого труда угадывается родная деревня писателя: вот новины, река Пинега и луга, деревенский большак с пекашинской горой и, конечно же, вековая лиственница как центральное звено всего рисунка. Автор, создавая образы героев романа, не изменял того антуража, в котором жили реальные прототипы «Братьев и сестер», и это придавало произведению еще большую убедительность. Тем самым Абрамов ушел от принципа иллюзорности и вычурности в описании фона окружающей обстановки и тем самым создал эффект естества и узнаваемости.

Причем автор, рисуя в романе близкую ему северную деревню военной поры, несколько не задумывался о том, точен ли он будет в своем изложении, о том, что прототип его Пекашина читатели будут искать на всех просторах, куда придет роман и откуда родом будут они сами. И те, кому выпала такая же доля, как и героям романа, непременно будут видеть в романе самих себя. «Я инвалид войны, — напишет Абрамову 16 декабря 1981 года из города Ровно Николай Григорьевич Качанов. — Большое Вам читательское и человеческое спасибо за умные, яркие, жизнеутверждающие романы о людях русской деревни.

Каждый из нас, людей старшего поколения — человек нелегкой судьбы и в Ваших книгах находишь как бы частицу своей пережитой жизни...»

И тут хочется добавить: а сколько на российских просторах было разбросано таких деревень, как две капли воды похожих своей судьбой на романное Пекашино, в ту военную и послевоенную пору? Десятки? Сотни? Тысячи? И в каждой из них была своя семья Пряслиных. а то и не одна, и свой Лукашин с Анфисой Петровной!

Примечательно, что когда в конце 70-х годов режиссер Лев Абрамович Додин, решив поставить на сцене Малого драматического театра абрамовский «Дом» и не имея возможности выехать с артистами в Верколу, как это было со студенческим спектаклем «Братья и сестры», для погружения в атмосферу деревенской жизни, отправился не куда нибудь, а в Ленинградскую область, под Кириши, где на реке Пчевже отыскал такое же Пекашино, деревушку под весьма прозаичным названием — Белая, но по «образу и подобию» очень схожую, пусть не внешне, а по людским судьбам с родной абрамовской Верколой.

Впрочем, и тогда, в августе 1977 года, отправляясь в творческую экспедицию на Пинегу, Додин со студентами ехали именно в Пекашино, и лишь по прибытии в Архангельск их конечный пункт маршрута был удивительным образом, к изумлению их самих, прояснен.

Наверное, в этом и есть феномен «пространства» деревни Пекашино, в образе которой позитивно спроектировались судьбы других русских деревень той поры, что откликнется в сюжетной линии романа «Братья и сестры» и всех последующих романов тетралогии.

26 июля 1960 года в Карпогорском районном Доме культуры состоялась первая на родине писателя читательская конференция, посвященная роману «Братья и сестры», на которой присутствовал и сам Федор Александрович. Она, конечно же, отличалась от той пока еще единственной читательской конференции, прошедшей в прошлом году 12 декабря в библиотеке фабричного комитета ленинградской обувной фабрики «Скороход», где так же много обсуждали роман, но читательская конференция на писательской родине — дело особое, весьма волнительное.

О предстоящей конференции было дано объявление в «Пинежской правде», прежде носившей название «Лесной фронт» и переименованной в связи с упразднением Карпогорского района и вхождением его в Пинежский район. «Товарищи читатели! — значилось в тексте объявления. — 26 июля в доме культуры в 8 часов вечера будет проводиться читательская конференция по книге нашего земляка Ф. А. Абрамова — „Братья и сестры“ (с участием автора). Просим принять активное участие в обсуждении романа».

Слух о предстоящей встрече с автором «Братьев и сестер» быстро облетел округу.

К назначенному времени небольшой зал Карпогорского Дома культуры, словно разгоряченный пчелиный улей в жаркий июльский полдень, гудел от пришедших на долгожданную встречу с писателем-земляком. Свободных мест не было. Среди пришедших были те, кто хорошо знал Федора Абрамова. Говорили о многом, прежде всего вспоминали, как рос будущий автор «Братьев и сестер», каким был в детстве, как учился в веркольской и кушкопальской школах, каким запомнился одноклассникам и учителям, обучаясь в карпогорской школе. Конечно, для Федора Александровича все это было очень приятно, и он, сидя за главным столом возле трибуны, рядом с активом конференции, с нескрываемой признательностью к землякам слушал адресованные в свой адрес добрые слова.

Но тема романа была главной. И когда разговор зашел о «Братьях и сестрах», Федор Александрович с неподдельным интересом слушал земляков, говоривших о достоинствах и недостатках романа, о том времени, в котором жили его герои романа.

Говорили о разном. Выступавших было много. Одна из них, Черноусова Татьяна Александровна, зная Федора Абрамова по карпогорской школе, сказала, что автору романа удалось «нарисовать жизненно правдивые характеры незаметных сельских тружеников, самых обыкновенных, самых будничных, о которых, вместе взятых, говорят: народ-герой, народ-богатырь, народ-победитель». Она же, посетовав на то, что в районе недостаточно имеется книг Федора Абрамова «Братья и сестры», предложила обратиться в областное книгоиздательство о переиздании романа, «чтобы обеспечить полностью спрос наших читателей».

Не забыли упомянуть и о связи между Шолоховым и Абрамовым. Так, к примеру, Александр Деомидович Новиков высказался: «Товарищ Абрамов вполне талантливо создал свое первое художественное произведение, и кто знает, может, из нашего писателя-земляка выйдет талантливый писатель, так как он ученик М. Шолохова». Но говорили не только о том, что Абрамов — последователь и «ученик М. Шолохова», но и то, что он «много учился у классиков русской и советской литературы» и в его романе «заметно влияние Н. В. Гоголя».

Многие из выступавших видели роман «Братья и сестры» незаконченным, за последней страницей которого обязательно должно было последовать продолжение. Кто-то сетовал на то, что в романе слабо показана роль местной партийной организации, а кто-то осуждал Анфису Минину, муж которой находился на фронте, за любовь к инструктору районного комитета партии Лукашину. Кто-то увидел неправдоподобие описания сцены пожара и что образ Лукашина выведен неполно. И тем не менее одним из самых главных достоинств романа, как отметила читательница Ия Петровна Рухлова, есть то, что «при создании произведения автор опирался на действительность и прототипы многих действующих лиц взял на родной деревне».

Сам Федор Александрович, вызванный присутствующими за трибуну, взволнованный выступлениями земляков, говорил долго. Рассказывал о том, как создавался роман и что не написать его он просто не мог, и о том, что роман был написан, по сути, в пик лакировочным романам о быте колхозных крестьян и что недостатки романа, высказанные читателями, имеются. «Объясняются они сложными условиями, в которых я писал книгу, — говорил Абрамов, — и отсутствием опыта художника, так как это мое первое художественное произведение». Абрамов был искренен перед своими главными читателями — в сущности, героями его романа, но о реальных прототипах героев романа, как того ни хотели слушатели, он предпочел умолчать.

Еще накануне встречи в Доме культуры села Карпогоры, наведавшись в Шотову Горку к Москвину, где получил замечание последнего: «Добрая половина героев... романа наречена фамилиями, распространенными на Пинежье: Нетесов, Подрезов, Семьин, Яковлев, Суханов, Клевакин, Минина, Ставров... Однако в книге немало фамилий и „неместных“. Случайно ли это, нет ли в этом какого-то секрета?», на что Федор Александрович ответил весьма лаконично: «Конечно же, выбор фамилий и имен героям книг — довольно не простое дело для писателя. Все это продумывается с учетом места, которое занимает в литературном произведении герой...» Вот «Пряслины, — продолжил Абрамов, — фамилия не только не местная, но и что в реальной жизни она, пожалуй, вообще не существует... В самом начале работы над книгой возник вопрос: какую присвоить этой семье фамилию». Далее, в своей статье «Встречи с Ф. А. Абрамовым», опубликованной в газете «Пинежская правда» 28 февраля 1984 года, Москвин вспоминает: «Ему хотелось вложить в нее всю хлеборобскую сущность, всю

крестьянскую обстоятельность такой семьи. После долгих поисков писатель остановился на фамилии Пряслины. А натолкнул на это мимолетный разговор. Однажды кто-то из односельчан сказал писателю:

— Видишь, стоит в поле одинокое прясло. Стоит тихо, в сторонке от дороги и никому не мешает. И люди до поры до времени как бы не замечают его. Но это только до поры. Да и как же иначе: ведь наше пинежское прясло, как и сама земля, основа крестьянской жизни...

— Как это так?..

— Очень просто, — ответил собеседник, — еще прадеды говаривали: земля-мать дает людям хлеб, а прясло спасает снятый хлеб от гибели».

Так и родилось — Пряслины, давшая впоследствии, после написания романов «Две зимы и три лета» и «Пути-перепутья», название всей абрамовской трилогии. Именно под таким названием трилогия будет отмечена Государственной премией СССР.

Но творческие искания Абрамова по поводу общего названия всего цикла романов будут продолжаться еще не один год. «Пряслины» или «Братья и сестры»? И в конечном итоге последние победят окончательно. Легшие на душу и сердце Федора Абрамова «Пряслины» справедливо уступят тому названию, от которого Пряслины и родились. На этот счет Федор Александрович напишет в письме другу-писателю Григорию Андреевичу Кулижникову 18 марта 1976 года: «С большим запозданием хочу поблагодарить Вас за помощь „Пряслиным“ — кстати, в новом издании трилогия будет называться иначе — „Братья и сестры“. Мне кажется, это название более емкое».

Действительно, на следующий год в издательстве «Современник» трилогия выйдет под общим заглавием «Братья и сестры». Такое название она получит и будучи переведенной на молдавский язык и изданная в октябре 1978 года в Тирасполе. Но ради справедливости отметим, что и название «Пряслины» не затеряется, и в 1978 году Ленинград в серии «Человек труда» вновь издаст абрамовскую трилогию под этим названием. И Абрамов не будет против.

Как в «Тихом Доне» семья Мелеховых является центральным связующим звеном романа, так и в «Братьях и сестрах» во главе повествования находится многодетная семья Пряслиных, в которой Анна Пряслина, мать шестерых детей, как и все другие жители Пекашина работает в колхозе «Новый путь», с утра до ночи вырабатывая свои трудодни.

В первый год войны погибает ее муж, глава семейства Иван Пряслин по прозвищу Ваня-Сила, и все мужицкие заботы по дому ложатся на плечи старшего сына Михаила, которому едва исполнилось пятнадцать лет, как когда-то, уже в реальной жизни, в такие же годы принял на себя заботы старший брат Федора Абрамова — Михаил. Разумеется, «Братья и сестры» нельзя назвать автобиографичным произведением Абрамова, хотя многие сюжеты из жизни и быта семьи Пряслиных родились в его абрамовском детстве. Так, упористый романтический характер Анны Пряслиной во многом схож с характером Степаниды Павловны — матери писателя, вместе со старшим сыном поднимавшей своих детей.

Воистину говорят: «Вспоминает рассудок, помнит душа» — именно так писал свой первый роман Федор Абрамов, перебирая в памяти свои детство и юность, сопоставляя себя с теми мальчишками, кому выпало пройти ступеньки детства и ранней юности в военную годину, когда уже он сам защищал отеческие рубежи в окопах под Ленинградом. « Не будь в моем личном опыте раннего безотцовства, чувства повышенного долга перед семьей, перед родными, я бы, вероятно, никогда не смог написать пряслинскую семью, постигнуть... красоту и радость взаимовыручки, самопожертвования во

имя ближнего», — скажет Федор Абрамов в своей статье «Сюжет и жизнь», опубликованной 13 января 1971 года в «Литературной газете».

Семья Пряслиных не теряется в водовороте событий, происходящих в Пекашине, не затмевается образами других героев романа, их взаимоотношениями, а наоборот, создается ощущение того, что пряслинская семья, как и семья донского казака Пантелея Мелехова в «Тихом Доне», стала зеркалом тех событий эпохи, в которых ей пришлось жить.

В семье Пряслиных отобразились все тяготы той лихой военной поры, свалившиеся на плечи тех, кто, живя в деревне, при колхозе, должен был не просто помогать фронту ударным трудом, но и выжить сам: пахать, сеять, косить, заготавливать дрова, зимой работать на лесозаготовках...

Не в каждой главе рассказывается о братьях и сестрах Пряслиных, но умело переброшенные автором невидимые мостики цепко скрепили их с теми, чьи судьбы в романе ворошит Абрамов: председательница колхоза «Новый путь» Анфиса Минина, сумевшая вывести колхоз из отстающих в передовые, как когда-то мать автора романа сумела вывести беднейшую семью в середняки, секретарь райкома Евдоким Подрезов, уполномоченный по делу отстающего колхоза Лукашин, колхозник Степан Андреевич Ставров, выстроивший свою избу «на левом скате пекашинской горы» и по возрасту не попавший на фронт, Варвара Иняхина, рано овдовевшая, чья порушенная, наполненная драматизмом любовь к Мишке Пряслину на устах пекашинцев, Марфа Репишная, что пашет в поле «полдня на лошади да полдня на себе»...

Все герои романа — единая семья, как единый хор, но у каждого в отдельности своя скрипка, своя нота, свое место в общем исполнении. И как слово не выбросить из песни, так нельзя представить «Братьев и сестер», потерявших хотя бы одного своего героя.

Абрамов, создавая «Братьев и сестер», не ставил своей целью особо выделить кого-то из героев романа, он выстроил сюжетную линию так, что в основе романа находится, по выражению самого автора, «общая нравственная атмосфера» в людском коллективе, где «акцент сделан на совести, на моральной ответственности человека за судьбу страны» (из письма Б. Г. Заксу от 24 мая 1958 года).

И в этом вновь яркий образец великой шолоховской школы литературного мастерства — особый натурализм в описании быта, который не затмевает главный сюжетный стержень произведения, а лишь дополняет его, высвечивая определенные стороны личности в сложнейшей для нее ситуации: у Абрамова — в тяжелом крестьянском труде в апогее трагизма войны, у Шолохова — в переломные годы крушения идеалов поиска нравственного причала в период Первой мировой и гражданской междоусобицы.

В частности, Федор Абрамов в письме к Аншукову Ф. Ф. от 22 октября 1958 года, в ответ на критику последнего относительно натурализма романа очень убедительно сообщает: «Ну а касательно излишества «натурализма» — тут уж дело вкуса. Я лично терпеть не могу процеженной, дистиллированной, оскопленной литературы. Да разве плохи Мопассан, Золя, Шолохов? А другие писатели?» И далее как приговор самому себе: «Конечно, за это мне выплут, тем более что «друзей» мне не занимать. Вспомнят и мою статью 1949 и статью 1954. Но ничего! Что за жизнь без борьбы? Избавь боже от всеобщего одобрения. Ведь это верный признак, что книга никому не понравилась, не взяла за живое».

Мастерство Абрамова, проявившееся уже в первом созданном им художественном произведении, прежде всего заключается в том, что автор, искренне любя своих героев, все же не сорвался в глубокое описание их жизни, тем самым уйдя от простой беллетристики к жанру глубокой художественности. По прочтении романа читатель не-

вольно начинал думать над текстом, доводя свою собственную мысль по поводу прочитанного до совершенства. И доводы читателей в части обязательного продолжения романа выглядят не случайностью, а, скорее всего, закономерностью, хотя сам Абрамов считал «Братьев и сестер» законченной вещью и на этот счет все в том же письме от 24 мая 1958 года Борису Заксу, так же увидевшему продолжение романа, прямо отвечал: «Но позвольте еще оно оправдание — по поводу концовки. На мой взгляд, она не так уж не удалась. Колхоз справился со своими задачами (производственная сторона), и судьбы героев и связанные с ними нравственные вопросы прояснились. Другое дело, что тем, кто читал мою вещь, хотелось бы жизнь героев видеть продолженной дальше...»

И если уж говорить о продолжении романа «Братья и сестры», то Федор Абрамов, к этому времени уже работавший над текстом «Две зимы и три лета» — второй книги тетралогии, видел в будущем произведении не просто продолжение ранее написанного романа, а его новую ипостась, отводя ему роль самостоятельного романа и ни в коем случае не ставя его в зависимость от своего первенца, но и тем не менее не отрывая взора читателя от уже полюбившихся героев.

Все без исключения образы героев романа собирательные. Они вместили в себя черты характеров тех, кого лично знал писатель, с кем рос и общался: его друзей, близких и родных, простых жителей Верколы и окрестных деревень, тех, о ком ему рассказывали, о ком говорили, и тех, кого он встречал в своих многочисленных поездках по Пинежью.

Вообще тайна реальных прототипов героев «Братьев и сестер» откроется Абрамовым не сразу. Причин тому много. Во-первых, раскрыть реальных прототипов — значит в чем-то приоткрыть свою писательскую кухню, творческую лабораторию, а во-вторых — и это, наверное, самое главное, — это значит лишить героев романа самостоятельной жизни, сделав их заложниками судеб реальных людей, тем самым давая возможность всякого рода сопоставлениям и поискам правды и вымысла. А еще Федор Александрович жалел прототипов своих литературных героев — ведь жить в реальной жизни и быть прообразом литературного героя не так-то просто!

И все же спустя время в беседах с близкими, знакомыми, на встречах с читателями Абрамов искренне поведает о том, чьи судьбы в меньшей или большей степени повлияли на рождение того или иного героя «Братьев и сестер», да и всей тетралогии. Сам Абрамов на этот счет говорил так: «За каждым героем, так или иначе, стоит живая натура, живая модель» («Сюжет и жизнь». «Литературная газета» от 13 января 1971 года).

В контексте повествования о прототипах героев пекашинской саги примечательно одно письмо, отправленное Федором Александровичем жителю Верколы Минину Николаю Степановичу 27 мая 1968 года по случаю публикации в «Пинежской правде» нескольких глав романа «Две зимы и три лета»: «Не слушай шептунов, если тебе будут нашептывать, что Абрамов-де опять продернул тебя. Ничего подобного! Петр Житов никакого отношения не имеет к тебе.

А впрочем, Петр Житов симпатичный мужик, и я бы хотел походить на него».

Не секрет, что многие жители родины писателя, заподозрив себя в прототипах героев «Братьев и сестер» (да и не только этого произведения), по-разному относились к художеству автора, порой прямо высказывая Абрамову свое недовольство. Так, по всей видимости, было и с Николаем Мининым, и чтобы еще раз снять возможную напряженность в отношениях с земляком, Федор Александрович, как бы опережая возможность такого разговора, сам вводит ясность в образ Петра Житова. Тем не ме-

нее в коротких строках письма явно сквозит обратное: Николай Минин — один из прототипов Петра Житова.

Безусловно, реальные прототипы героев романа не были для Федора Абрамова «живым сырьем», рабочим материалом, из которого лепились «Братья и сестры». Это были не просто прототипы его романских героев, это были его земляки, затрагивая судьбы которых в нем самом поднимались такие волны чувств, что он, поддавшись воспоминаниям, на время неминуемо отстранялся от листа бумаги и не садился за стол, покуда взбунтовавшиеся эмоции не уступали место душевному покою. Да и как можно было иначе?!

«...Люблю я Астафьева, Распутина, Солоухина. Но только у Абрамова я слышу такое, от чего поет в душе та сокровенная струна, когда больно и сладко от жгучей правды», — тонко подметит в своем письме к писателю 3 марта 1983 года читатель-сибиряк, фронтовик, инвалид Великой Отечественной войны Николай Петрович Кропотков.

Заставить мыслить, всколыхнув в читательских умах раздумья о человеке, о его судьбе, отойти от плоской фрагментарной иллюстрации образа — вот в чем огромная ценность вложенного в роман творческого потенциала Федора Абрамова. «Писатель не всегда обязан кормить читателя разжеванной кашницей — на мой взгляд, важнее возбудить его мысль», — поведает Абрамов в письме к Борису Кононову 4 июля 1976 года о глубинной структуре своих творений, в том числе непременно имея в виду и первое свое произведение — роман «Братья и сестры».

Выхватить в человеческой натуре самую ее суть, малую крупицу, из которой могучим кедром вырастет изысканный литературный образ, — задача, с которой Федор Абрамов справился на отлично. «Почти все писатели имеют прототипов, некую живую модель, — скажет Федор Александрович 6 мая 1974 года на встрече со студентами и преподавателями Архангельского педагогического института им. М. В. Ломоносова, студентом которого когда-то едва не стал сам. — У меня всегда стоит живой человек перед глазами. Но я не беру человека и не описываю — из этого ничего не вышло бы. Беру деталь и отталкиваюсь от этого. История с прототипами сложная. Критики ходят по Пинеге, смотрят и думают: с кого списано? Когда человек хороший, это всех устраивает. Но когда лезут к человеку с недостатками, то это конфуз...

Прообразы трилогии наблюдаю главным образом на Пинеге. Питательная среда для писателя — родина, детские, юношеские годы. Много взято на Пинеге, но я не отношусь к очеркистам. Очень большое место у меня занимает вымысел. Ни один человек не вынесет той социальной нагрузки, если его описать, какую несет художественный образ.

Я отношусь к писателям-аналитикам. В каждом герое я хочу видеть преломление своего времени: как время влияет на человека и как человек влияет на время. Мои герои проникнуты духом времени, и в этом смысле они социальные».

Жители Верколы Аполлинария Тихоновна Минина, Александра Фалелеевна Хрипунова, Таисия Петровна Панфилова, землячка Абрамова из Суры, возглавившая в 1942 году Веркольский сельский совет, стали прообразами председателя колхоза «Новый путь» Анфисы Мининой; Евдоким Подрезов вобрал в себя черты характера Комарова Николая Андрияновича, секретаря райкома в годы войны; Калина Иванович Дунаев вырос из личности веркольца Артема Ионыча Семьина, а его жена Евдокия Петровна воплотилась в образе Евдокии-великомученицы; Евсей Мошкин в чертах характера чем-то напоминает веркольца Ивана Андреевича Бурачкина; собирательный образ Лизы Пряслиной, имя которой дала сестра Михаила Ивановича

ча Абрамова — Елизавета, по большей части выстроен на внешнем облике и характере «любимой племянницы» писателя — Галины Михайловны Абрамовой...

О ком-то из них, раскрыв тайну прообраза, Абрамов поведал на своих многочисленных читательских встречах, в беседах с журналистами, с близкими ему людьми. Но есть и такие, кому о причастности их к литературным героям «Братьев и сестер», сказал лично, как, к примеру, это случилось с Таисией Панфиловой, когда Федор Александрович, выступая в 1973 году в Сурском Доме культуры при большом стечении слушателей, обратился к ней, скромно сидящей в зале, и сказал: «С вас я писал Анфису Минину...»

Однако при всем многообразии образов в романе у «Братьев и сестер» есть главный герой. Временами он ненадолго теряется в гуще действующих лиц (да и повествование начинается не с него), и все же его важность в романе, после его полного прочтения, явно выступает на первый план.

Мишка Пряслин. Он не просто один из главных положительных героев романа, он его сила, его главная нравственная основа, показатель чистоты помыслов, человечности и самобытности восприятия и видения жизни. В силу своей оригинальности он лишен мыслей о легкой жизни, для него работа не просто необходимость в силу известных по роману обстоятельств, а его исключительность — его внутренний стержень. «Люди должны включить в свое душевное хозяйство пряслинский нравственный комплекс — это для меня несомненно», — напишет Абрамов в письме Борису Лаврентьевичу Кононову 3 сентября 1976 года, тем самым, в первую очередь для себя самого, подчеркнув особенность образа Мишки Пряслина и всей его семьи.

Кто он, Мишка Пряслин? Чей реальный образ помог Абрамову создать его облик, оживить в читательских умах, да так, что некоторые из них, сопоставляя свои военные и послевоенные судьбы, видели в нем самих себя? И таких примеров было не счесть! Мишка Пряслин поистине стал народным.

Да. Абрамову удалось почти невозможное. Наверное, ни одно из произведений, вышедших из-под пера до, да и после «Братьев и сестер», может быть, только «Василий Теркин» Твардовского да стихотворение Симонова «Жди меня», не содержало в себе столько тождественности между образами героев произведения и читателями. Абрамов действительно угодил в точку. Он не просто всколыхнул читательское сознание тем, что хотел донести, что у самого лежало на душе, но и заставил говорить о том времени, о котором не мог смолчать, о тех, чьим трудом в войну добывался нелегкий победный хлеб! И еще, может быть, самое ценное то, что Абрамов сподвиг, говорить об этом устами простых людей, тех, кто непосредственно вынес на своих плечах бремя тягот военной и послевоенной колхозной жизни, работая один за семерых.

Абрамовские «Братья и сестры» действительно были в каждой деревне. Пахали, сеяли, убрали урожай, отдавая порой последнее колхозу. И их война гуляла в тылу нисколько не меньше той, окопной. Вот только в этих самых деревенско-колхозных окопах с плугом, вилами и лопатой в руках были в большинстве своем женщины и дети, открывшие, по выражению Абрамова, второй фронт намного раньше друзей-союзников, выкативших свое оружие уже незадолго до Великой Победы.

Такие, как Мишка Пряслин, взяв на себя хоть какую-то мужицкую работу, были весомой опорой и подмогой в каждодневном колхозном труде. Помню, как мой отец, встретивший войну одиннадцатилетним подростком, не хуже Мишки Пряслина, помогая матери растить двух малолетних сестер, с утра до вечера вырабатывал в колхозе трудодни: зимой на заготовке дров, а летом на покосах отбивая косы да укладывая

стога... И как мне не вспомнить, что уже в пору моего детства с какой-то определенной гордостью говорили в нашей деревне, что лучшие пахари — бабы: ведь их война этому научила.

Образ Мишки Пряслина был настолько близок многим читателям, в чьей судьбе отразилось то время, что были и такие, кто в своих письмах прямо заявлял Абрамову: «Я претендую на то, что большую часть фактов Вы списали с меня», как это сделал в своем письме от 20 февраля 1971 года житель Петродворца А. А. Пучинский.

И в этом нет ничего удивительного! Сколько было по стране таких вот Мишек Пряслиных, у которых война отняла отцов, матерей, а то и обоих родителей, осиротила, лишив самого дорогого в эти годы — детства. Сколько их, пятнадцатилетних, а то и того меньше, встало к станкам на заводах и работало в колхозах, зарабатывая свой нелегкий хлеб не только для себя, но и для тех, кто их ждал дома. Но были и те, кому удавалось прорваться на фронт и стать «сынами полков», взяв в детские руки оружие. Наверное, так мог вполне поступить и Мишка Пряслин: рослый, крепкий, широкоплечий, он зараз мог приписать себе пару-тройку лишних годков и встать в строй ополченцев, а может быть, и вовсе по повестке отправиться на фронт — и баста! — признается он в сердцах. И что же его останавливает? Останавливает чувство долга, ответственности перед семьей, долг перед погибшим отцом, матерью, которой теперь надобно было одной растить пятерых детей, четверо из которых мал мала меньше. И метавшаяся в его ребячьем мозгу мысль — «как же без отца будем?» — терзалась, рвалась наружу. И Мишка в одночасье, с ворвавшимся в дом горем, вырос, превратившись из подростка в главу семьи: «до сих пор пустовавшее за столом место отца занял Мишка» и «стал по-отцовски резать и раздавать хлеб». Вот только Анфиса Минина, председатель колхоза, глядя на Мишку, с болью в сердце обмолвится: «Господи, да ведь он еще совсем, совсем ребенок...»

По мнению А. М. Туркова, Федор Абрамов, создавая образ Мишки, «оказывается на пороге художественного открытия — изображения и исследования одного из героических и типических характеров, выкованных в горниле тех трудных лет»³. И с этим не поспоришь.

Действительно ли автор изначально осознанно вкладывал в сей образ Мишки Пряслина такую огромную внутреннюю силу? Вероятнее всего, нет. Абрамов просто говорил правду, а она, в свою очередь строя характеры героев романа, в том числе и Мишки, нашла благодарный выход в сознании читателей.

А еще им двигала огромная любовь ко всем героям романа без исключения, невзирая на их роли, и желание самому докопаться до сути главного вопроса, который, в общем-то, мучил его всю жизнь — вопрос о совести, нравственности и сопряженном с ними чувстве долга. «Просто завидна Ваша любовь к героям и персонажам своих книг! Такого я не встречал (честное слово!) в прочитанном мною ранее (сознаюсь, что читал я уж не так много) ... Вы обоснованно прощаете многие проступки, провинности, и читатель (по моему) с Вами соглашается, — сообщал в письме от 31 октября 1980 года Абрамову один из читателей, пожелавший остаться неизвестным и подписавшийся просто В. П. — Но... в случаях, когда для прощения нет места — Ваш голос слаб... Вообще Ваши герои и персонажи мной не воспринимаются как книжные. Они являются сгустками тех, с которыми я встречался (и встречаюсь) и, даже после прочтения, живут в моей памяти живыми, осязаемыми...»

Автор письма «зрел в корень». Абрамов действительно не линчевал своих героев за поступки, за которые, казалось бы, и нужно было сгустить краски над образом. Он

³ А. М. Турков. Федор Абрамов: Очерк. М.: Советский писатель, 1987. С. 42.

умело рисовал сюжетную картинку так, что у читателя ни в коей мере не создавалось ощущение антигероя, возможного чувства мести. Автор как бы предлагал читателю самому проанализировать сложившуюся ситуацию, поставив точки на «i». У Абрамова это не что иное, как разговор автора с читателем, посредством которого формируется не навязанное писателем отношение к тому или иному герою. «Не скрою — читать Вас очень трудно, — признается все тот же В. П. — На каждой странице останавливаешься по несколько раз. А уж после прочтения главы прекращаешь чтение вообще. Иногда до следующего дня, чтоб усвоить, чтоб осознать, чтоб обдумать, а не отдохнуть...»

И в частности, если говорить о Михаиле Пряслине, то он умелый, прирожденный рассказчик, обладавший огромной силой слова, умевший до самозабвения заразить слушателя. Федор Абрамов, работая над первым своим романом, выпестовал такого героя, который в последующих трех романах тетралогии будет не только нравственным стержнем повествований, но и эталоном душевной щедрости, без которой просто немыслима любовь к людям и без которой не родится чувство долга перед ближним.

Сам же Абрамов, когда его однажды спросили о прототипе главного героя пекашинской саги Михаиле Пряслине, сказал следующее: С «Михаилом Пряслиным я встречаюсь на своем Пинежье каждое лето. И не только встречаюсь. Но и беседую с ним.

Но, боже мой, как мало похож этот здоровенный мужчина с твердым, упрямым взглядом на того совестливого и самоотверженного парня, которого читатель знает по роману! Да и это понятно. Писатель не фотограф. От реального человека он берет порой лишь какую-либо поразившую его черточку, ту „живинку“, без которой любой созданный им образ всего лишь мертвая и безжизненная схема».

Говоря о своих «встречах» с Михаилом Пряслиным, Федор Абрамов несколько не интриговал слушателей. «Мишка Пряслин» действительно существовал в природе, жил в Верколе, и Федор Александрович, приезжая на родину, встречался с ним!

Михаил Иванович Абрамов знал о своей причастности к образу Мишки Пряслина, на первых порах воспринимая сей писательский «подарок» по-разному, но к концу своей жизни явно смирился с образом, свыкся.

Тогда, в апреле 1942-го, оказавшись в Верколе, будущий писатель, конечно же, не мог не заметить многодетную семью погибшего на фронте Ивана Абрамова, будущего героя романа Ваню-Силу, чей дом стоял на деревенском угоре, совсем рядом с его, родительским. Самым старшим тогда в семье и был пятнадцатилетний сын Ивана — Михаил, а самой младшей, шестым ребенком, родившимся уже без отца, — дочь Татьяна. С него-то, старшего, Абрамов и снял образ Мишки Пряслина: крепкого, жилистого, не по годам упористого в труде парня.

И каждодневные заботы этой семьи о хлебе насущном, в которой старший сын заменил погибшего отца, так глубинно легли на душу Федору Александровичу, так стали ему близки, что своя пора безотцовщины, нелегкого детства крепко-накрепко переплелась с судьбой семьи Вани-Силы, а сокровенная любовь автора к своему старшему брату Михаилу не иначе как выплеснулась в романский поклон Мишке Пряслину, ставшему своей матери надежной опорой, как когда-то и их коммуна сделала невозможное: сохранив семью, выжила в труде.

Спустя годы после написания «Братьев и сестер» в статье, опубликованной в «Пионерской правде» 23 марта 1971 года, Федор Абрамов прямо скажет: «Я вырос в семье, похожей на пряслинскую», тем самым дав прямую подсказку к тому, где еще искать одного из главных прототипов Мишки Пряслина.

Так благодаря литературному мастерству Федора Абрамова в судьбе пекашинских Пряслиных отразились, переплетаясь, будни двух веркольских семей: Ивана Абрамо-

ва — Ивана-Силы в год «великой страды» — и Степаниды Павловны Абрамовой, в трудные 20—30-е годы. А в сюжетных закрайках бытописания нашлось место и детству самого автора.

Абрамов будет беречь этот образ Михаила Пряслина для читателя, развивая его в «Братьях и сестрах» для всей будущей тетралогии. Для автора он будет своеобразным ключиком, которым Федор Александрович будет открывать читателю суровый мир душевных исканий главного героя в разные периоды его жизни.

А та «пряслинская» изба, в которой «в тесноте, да не в обиде» ютилась семья погибшего Вани-Силы, и поныне стоит в Верколе. Низенькая, в десяток рубленых, почерневших от времени венцов, в три небольших окошка на Пинегу, словно под тяжелой ношей сторбленная и уставшая, прильнула она к земле, осиротевшая, давненько выпустившая в жизнь своих «братьев и сестер», все реже и реже встречая в своих стенах потомков тех, кого когда-то согревала своим домашним очагом.

Но если облик Михаила Ивановича Абрамова взрастил внешние подчеркнутые суровые крестьянские черты Мишки Пряслина, то внутренние струны характера этого героя есть не что иное, как зеркальное отражение души Михаила Александровича Абрамова — старшего брата писателя, в котором, по определению знавших его, было само дыхание совести и в груди которого билось сердце, болевшее за всех и вся. Работавший на износ, не щадивший себя, он слег в сыру землю в свои роковые пятьдесят пять, лишь успев подержать в своих руках заветную первую книгу младшего брата, ставшую началом будущей грандиозной тетралогии, поистине «Тихим Доном» Русского Севера, но так и не узнав, какой широкой поступью зашагает Мишка Пряслин не только по своей стране, но и за рубежом, как заговорит он с театральных подмостков своим пинежским говорком, живя его душой, его сердцем.

В силу своей природной скромности и нежелании выпячивать в романе своих близких, Федор Александрович никогда публично не говорил о том, с кого он списал черты характера старшего сына Анны Пряслиной, кого вложил в образ Лизы и из кого выросли ее младшие братья. Об этом знали лишь близкие писателя.

Действительно, такого хождения в народ до абрамовских «Братьев и сестер» не знало ни одно произведение. Даже тех читателей, кого «не роднила» судьба Пряслиных, до глубины души трогала их нелегкая судьба.

Некоторые читатели, переживая за безотцовщину семьи Пряслиных, в своих письмах к писателю даже просили воскресить Ваню-Силу, как, к примеру, некая Фаина Наумовна, одна из первых откликнувшаяся на публикацию романа в октябре 1958 года. В письме от 28 ноября 1958 года Абрамов отвечал благодарной читательнице: «Одного не могу обещать: благополучного возвращения с войны самого Вани-силы. Конечно, хочется счастливого конца. Но, милая Фаина Наумовна, не лучше ли все-таки правда, пусть и жестокая? Ведь у Вас-то муж не вернулся».

Роман трогал, задевал, ранил, заставлял думать, мыслить, сопереживать... Но в душе Федора Александровича все еще были думы о том, как тяжело прорывался роман к читателю, едва не погибнув в застенках цензоров и власти угодных. И вырвавшись из редакторских оков, он обрел свою силу в слове, принятый и одобренный прежде всего теми, для кого он и был создан.

И эта неподкупная, чисто кристальная читательская любовь к «Братьям и сестрам», ко всему циклу последующих романов Абрамова с годами только росла и крепла, выливаясь порой не просто в искренние письма признательности за высказанную правду о крестьянине, но и в исполненные чувством глубокого поклонения мастеру слова. «Уважаемый Федор Александрович! Зимой прочитал Ваши романы „Пряслины“

и „Дом“, с тех пор мне покою нет. Ваши произведения кажется вытеснили из меня сотни книг, прочитанных ранее, — писал Абрамову в конце 70-х годов 43-летний учитель литературы из села Сидорово Вологодской области Н. Шибарев. — Собирался поехать в Ленинград и посмотреть на Вас просто, со стороны.

Но вот достал адрес и пишу. Вы — человечье. Гигант. Психолог. Талант, какого я до сих пор не встречал в области сельской жизни. Поверьте, 20 лет веду в школе литературу.

Всю жизнь я прожил в деревне, мне 43 года, мои родители — крестьяне. Все о чем Вы пишете, это было и есть у нас, в Вологодской области. Боже мой! Какую правду Вы принесли читателю.

Сколько у Вас смелости!

Представляете ли Вы, что без Вашего творчества уже невозможно представить советскую литературу.

Нет слов выразить той благодарности Вам за то, что Вы подарили читателю.

Ваши книги читаешь медленно, без захлеба, смакуя, наслаждаясь каждой страницей.

Купить в магазине Ваши книги — теперь об этом не стоит и мечтать.

Невелико наше село, учащихся в школе 350 человек, после того, как я о них, Ваших книгах, рассказал на уроках, в библиотеке родители моих учащихся установили очередь на чтение их. Читают даже те, кто раньше и не увлекался книгой.

Встал бы перед Вами на колени (хоть на Невском в полдень) и поклонился от всего русского народа, жившего и живущего в деревне.

Ваши романы — это бессмертный памятник русскому крестьянству».

И первоосновой этому «бессмертному памятнику» были абрамовские «Братья и сестры», в которых жила та самая новомирская статья о «людях колхозной деревни».

Язык романа, словно губка впитавший в себя диалект, свойственный Пинежью, наполненный своей чистотой и изысканностью, будто букет июньских полевых цветов, благоухал словом, придавая особый насыщенный колорит тексту, тем самым еще ярче выдавая северную сторонку.

Абрамов, вводя в роман эту речевую особинку, вряд ли при этом не держал ориентира на Михаила Шолохова, который так умело, ненавязчиво и очень емким вкраплением казачьего говорка в «Тихий Дон» сумел подчеркнуть не только колорит казачьего быта, но и вкупе с тонким лиричным описанием природы развернуть всю палитру красок той местности, где происходит действие романа. И в этом ракурсе Федор Абрамов стал ярким последователем творчества Михаила Александровича.

Вера Иванова, сокурсница Абрамова по последним годам учебы в университете, проживавшая в Сталинграде, прочитав роман, напечатанный в журнале «Нева», не зная адреса Федора Александровича, восторженно писала ему на университетскую кафедру: «Совершенно случайно наткнулась в „Неве“ на твой роман „Братья и сестры“, может быть и не первый, так как я совсем не слежу за толстыми журналами. Прочитала, и мне захотелось поздравить тебя с большой удачей. Если это первый блин, то он получился далеко не комом! Я плохо знаю современную литературу, по этому не могу сравнивать с другими произведениями, но мне кажется, что еще никто не отважился так прямо, так честно показать жизнь деревни во время войны. Об этом я прочитала впервые в твоём романе...

В твоём романе нет особой занимательности. Но в нем есть главное — сама жизнь...

Но особенно мне понравился язык! Как ты замечательно знаешь архангельский говор! И эти словечки (такие звонкие!) „забереги“, „закраины“, „ростань“, „ручьевина“, „густь“, „сполох“...

Мне даже показалось, что такие слова только встречаются в авторском контексте, в речи действующих лиц или нет (отнимаешь у своих собратьев возможность поговорить об индивидуализации речи героев, так обычно говорят о Шолохове, хотя я что-то в такую примитивную индивидуализацию не верю)... Речь многих твоих героев степенная. Плавная, образная, как и подобает северному человеку, который, налегает на „о“. Много новых, иногда мне не встречавшихся художественных образов, например, «рассыпаны поленницей ребятишки» и др...»

Абрамов—Шолохов. Эту линию сравнения мало кто из читателей в своих письмах к Федору Александровичу обходил стороной. Эта вовсе не напускная подчеркнутость преимущества, сквозила в текстах даже в том случае, если автор письма и вовсе не упоминал фамилии автора «Тихого Дона». И все эти сравнения были, естественно, не случайны.

Истинного читателя, проникнувшегося силой текстов двух этих произведений, было трудно упрекнуть в предвзятости, чрезмерной эмоциональности в восприятии, ангажированности. Это сравнение было искренним, идущим не только от сердца, но от истины в слове. «Северным Шолоховым» назвал Федора Александровича в своем письме челябинец Сафронов В. Ф., чьи корни по линии матери были с Пинежья: «Одно я Вам скажу, мы с мамой прозвали Вас нашим пинежским Шолоховым. Мы очень рады, что у нас есть свой северный Шолохов. Вы даже не представляете, какую замечательную вещь („Братья и сестры“) вы написали, для нас эта книга больше чем книга — это сама жизнь».

Несомненно, Федор Абрамов хорошо знал цену своему первому роману, и даже когда не состоялась обещанная ему публикация отдельной книгой в издательстве «Советская Россия», намечавшаяся на начало 1960 года, отнесся к этому сдержанно, хорошо понимая, что роману уже уготована большая читательская судьба.

Волна доброй критики в адрес романа не стихала. Десятки рецензий в различных отечественных изданиях за два последующих года с момента публикации и даже выход романа на международную арену (в 1961 году «Братья и сестры» будут переведены на чешский язык), конечно, не могли не радовать писателя, сумевшего всего лишь одним своим романом осилить столь высокую читательскую планку доверия, всколыхнув общественное мнение, показав истинность жизни крестьянской деревни в годы войны. Положительные читательские отклики на роман заставили Абрамова поверить в себя, в свои литературные силы.

Нина Гурько, близкий друг Абрамова по филфаку, как бы в шутку писала ему 12 июля 1960 года в Верколу: «Вдруг ты зазнаешься. Я знаю, что ты уже сию минуту готов рассердиться. Но я имею возможность это наблюдать слишком часто, так что поневоле засомневаешься». Гурько действительно хорошо знала абрамовскую натуру, и предположение о возможном «зазнайстве» Федора Александровича было шуткой.

Нельзя не сказать, что Нина Гурько была не просто университетским другом Федора Александровича. Она знала много сокровенных историй его жизни, поддерживала в нелегкое для него время огульной критики, отчасти была его редактором и корректором многих произведений, именно ей первой Абрамов позволит прочитать рукопись повести «Безотцовщина», работу над которой он завершит к концу 1959 года, доверив вести переговоры с издательствами о ее публикации (и не только этой повести!), в том числе и с журналом «Звезда», в котором повесть и будет опубликована в январе 1961 года. В Нине Гурько Абрамов найдет и доброго почитателя своего твор-

чества в период, когда он после выхода в свет повести «Вокруг да около» будет трудные пять лет работать в стол, забытый и отвергнутый издательствами.

Абрамов безмерно любил Шолохова — автора «Донских рассказов», «Тихого Дона», «Судьбы человека» — и был резок, а порой и слишком «желчен» по отношению к Шолохову — литературному «маршалу», из уст которого с высоких трибун временами срывались речи, заставлявшие Абрамова негодовать. Абрамов, бравший жизнь за «чистую монету», измерявший ее своими, только ему свойственными абрамовскими мерками, до конца своих дней не мог простить Шолохову того молчания 1954 года, в слово которого он искренне верил, надеясь на поддержку, которой так и не дождался.

И все же Абрамов «до мозга костей» был пропитан шолоховским словом и никогда не скрывал этого. Влияние Шолохова-писателя на Абрамова было огромным, и можно прямо сказать, что увлечение Абрамова Шолоховым в большей степени взрастило в нем любовь к литературному труду и образ автора «Тихого Дона» был всегда с ним. Но Абрамов никак не был подражателем шолоховскому мастерству, он всего лишь был прилежным «учеником-заочником», сумевшим своим романом «Братья и сестры» на отлично сдать «экзамен» Мастеру, при этом создав собственную школу литературного мастерства. Такое дано не каждому!

Да, Абрамов был двойственен по отношению к Шолохову: честен в душе в своей непримиримой правде к Великому писателю и в то же время преклонялся перед его талантом с ранних юношеских лет. Порой в его сознании противоречия к личности Шолохова вели ожесточенную схватку, и каждый раз определить «победителя» было невозможно. Такой уж был Федор Абрамов!

Крепким, многогранным «ключом» «Тихого Дона» открыл Федор Абрамов своим читателям дверцу в мир «Братьев и сестер», при этом сумев создать свое, ни с коим другим не сравнимое произведение о жизни русской деревни, напитав его изысканностью, музыкальностью, певучестью исконного русского языка, сплетенного воедино с убеждающей силой слова, обжигающей правдой и любовью к человеку труда, поставив роман в разряд великих произведений мировой литературы XX века, и, не подозревая для самого себя, встав у истоков создания целого направления в отечественной художественной литературе, которое спустя время нарекут «деревенской прозой», а авторов «деревенщиками».

«Тихий Дон» и «Братья и сестры» — разные вещи в русской литературе, но написаны они с такой огромной искренней любовью к самому близкому и дорогому — малой родине, ее людям, так, что читателю воочию дозволено видеть то, что хотел донести до него писатель, пропустив через собственную душу каждую строку своего творения, над которыми не властно время. И это их роднит!